

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН
ВОЙНИЧ

Сними обувь твою

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Овод

Этель Лилиан Войнич

Сними обувь твою

«Издательство АСТ»

1945

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Войнич Э.

Сними обувь твою / Э. Войнич — «Издательство АСТ»,
1945 — (Овод)

ISBN 978-5-17-157332-4

«Сними обувь твою» — последний роман Этель Лилиан Войнич из ее легендарного цикла об Оводе. На сей раз главной героиней выступает его прабабка — гордая, независимая, романтическая красавица, неспособная смириться с судьбой «проданной» жены и смело вступающая в борьбу за свое женское счастье. Беатриса Телфорд — идеальная жена, мать и хозяйка дома, воплощение всех добродетелей английской леди. Но в душе ее скрываются боль, отчаяние, злость и презрение к мужчинам, с подлостью которых ей приходится сталкиваться снова и снова... Беатриса не опускает головы, и на помощь ей приходят простые люди — честные, отважные и способные на верную дружбу и искреннюю преданность...

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-17-157332-4

© Войнич Э., 1945
© Издательство АСТ, 1945

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	28
Глава V	33
Глава VI	40
Глава VII	46
Глава VIII	50
Глава IX	55
Глава X	58
Глава XI	63
Глава XII	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Этель Лилиан Войнич

Сними обувь твою

Роман

*...Итуриэль своим копьем
Легко коснулся, ибо никакая ложь
Не сохранит свой облик перед ним,
Но против воли станет правдой вновь.*

*Посвящается Анне М. Нилл
в благодарность за критические замечания и ту бесценную
помощь, которую она оказывала мне в течение многих лет, на
протяжении которых эти детища моего ума были ее неподатливыми,
строптивыми воспитанниками.*

Ethel Lilian Voynich
Put Off Thy Shoes

* * *

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2023
© Перевод. Р. Облонская, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Перевод И. Гуровой

Хотя «Сними обувь твою» и представляет собой вполне законченный роман, на самом деле он должен был бы открывать семейную хронику, охватывающую историю четырех поколений. Но серия этих романов – спутник всей моей жизни – рождалась не в хронологическом порядке.

«Овод», действие которого происходит в Италии во время политических и идеологических конфликтов, приведших к революции 1848 года, был написан в 1897 году, когда я еще почти ничего не знала о предках его главного героя, наполовину итальянца. «Прерванная дружба» (1910 год) рассказывает об одном эпизоде из жизни того же героя. В 1911 году я оставила литературу и стала писать музыку. И два промежуточных романа – о юноше и девушке, детство и отрочество которых описаны в этой книге, и о их дочери, которая уехала в Италию и стала матерью Овода, – так никогда и не появились. О судьбе этих людей говорится в послесловии к роману «Сними обувь твою».

И вот после двух попыток показать духовную и эмоциональную жизнь вымышленного человека, после двадцати лет, отданных музыке, я в конце концов снова взялась за перо, чтобы проследить некоторые черты этого никогда не существовавшего характера в его предках. Этот обратный ход мысли удивляет меня больше, чем кого-либо. Если бы меня спросили, почему я решила на склоне лет заняться давно умершими английскими предками итальянского бунтаря, которые были для него в лучшем случае лишь ничего не значащими именами из далекого неведомого прошлого, моим единственным ответом было бы, что я не могла иначе и знаю об этом не больше, чем о других сторонах процесса появления на свет детей человеческого воображения. Я знаю только, что на протяжении всей моей долгой жизни эти и другие бесплотные создания моего духа, некоторые в человеческом образе, другие в форме музыкальных звуков, приходили и уходили, не спрашивая моего разрешения, и мне оставалось лишь одно – по мере своих сил попевать за ними.

Многие читатели во многих странах интересовались, почему Овод при тех или иных обстоятельствах думал, чувствовал и поступал именно так, а не иначе. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что некоторые противоречия, которые удивляли или – совершенно справедливо – раздражали их, были просто моими ошибками – промахами и неточностями незрелого мышления, ошибочного видения или недостаточного умения молодого автора, едва справлявшегося со слишком трудной первой книгой. Однако многие из них и сейчас кажутся мне неотъемлемыми от духовного склада этого человека – такого, каким он мне представлялся. Частичное объяснение этих противоречий, которое можно найти в позднем и далеко не полном описании его наследственности с материнской стороны, откладывалось так долго, что большинство из тех, для кого оно предназначалось, либо умерли, либо давно забыли о своих недомоганиях. Тем, кто еще жив и еще не утратил интереса к этому, я хотела бы сказать, что в настоящей книге я постаралась – хотя и с большим опозданием – ответить на некоторые из их вопросов.

Я должна просить читателя извинить мою заведомо несовершенную попытку передать исчезающий диалект Корнуэлла. Воспоминания далеких дней моей юности, воспоминания о путешествиях пешком по дикому побережью Корнуэлла, о разговорах – в кухнях с земляными полами или среди плетенок для ловли омаров – с бедняками, которые были стары, когда я была молода, слишком туманны, чтобы на них можно было положиться. Много лет спустя я провела три зимы в Сент-Айвсе, но к этому времени старинный диалект помнили только старики, обитавшие в уединенных хижинах среди вересковых равнин. Филологи, к трудам которых я обра-

щалась, не всегда придерживались единого мнения о том, как лучше передать мягкие, певучие, редуцированные гласные корнуэльского наречия, или в том, насколько далеко распространились по каменным грядам некоторые девонские речевые формы. Весьма возможно, что кое в чем я ошиблась, но избежать этого риска было нельзя. Без их характерной речи мои рыбаки не принадлежали бы Корнуэллу, который я любила.

Э. Л. В.

Нью-Йорк, ноябрь 1944 г.

Часть первая

Перевод И. Гуровой

Глава I

В начале лета 1763 года Генри Телфорд, молодой сквайр Бартона в Уорикшире, стоял вечером в своей лондонской квартире перед зеркалом, поправляя жабо своей лучшей рубашки. Он совершал туалет очень тщательно, но без всякой охоты.

На этот раз он предпочел бы остаться дома и лечь спать пораньше, так как светские разговоры уже успели ему надоесть, а кроме того, он не привык засиживаться далеко за полночь, но старая леди Мерием упомянула в своем письме, что среди ее приглашенных будет некая благородная девица, с которой она очень хотела бы его познакомить. Он понимал, что ему следует поехать на этот бал хотя бы в знак благодарности за ее хлопоты, несмотря на то, что он был убежден в их бесполезности.

Если она и не сумела подыскать ему жену, то уж никак не по своей вине. Столько же по доброте душевной и из любви ко всяческому сватовству, сколько из-за просьбы сестры она приложила много стараний, чтобы помочь ему; но до сих пор ни одна из юных барышень, с которыми она его знакомила, не показалась ему подходящей для роли хозяйки Бартона. У большинства из них манеры были так же прелестны, как и платья, а некоторые были прелестны и сами. Красивые женщины нравились ему не меньше, чем всякому другому, – так же, как ему нравились вьющиеся розы на стенах Бартона; однако выбор матери для его сыновей – вопрос серьезный, даже более серьезный, чем выбор быка для его коров, и этот вопрос нельзя решать легкомысленно, основываясь только на том, что ему понравилось хорошенькое личико. Избалованные лондонские барышни слишком изнежены, чтобы рожать и вскармливать здоровых детей, и слишком пусты, чтобы разумно воспитывать их в страхе божьем.

Сам он, даже не говоря о Бартоне, мог предложить многое. В зеркале отражался очень представительный молодой человек, правда чуть-чуть провинциальный и полнокровный, но зато великолепно сложенный, здоровый и телом и духом, широкоплечий, крепкий и достаточно высокий для того, чтобы выглядеть внушительно верхом на лошади. Его волосы, золотисто-рыжие, цвета спелой пшеницы, круто вились над лбом, как у античного борца; широко расставленные простодушные серые глаза позволяли забыть о тяжелой нижней челюсти. К шестидесяти годам ему, вероятно, предстояло благодаря неумеренности и старому портвейну приобрести апоплексическую внешность и бешеный нрав, столь обычные среди богатых сквайров центральной Англии. Можно было ожидать, что уже в сорок лет он начнет полнеть, если не будет следить за собой. Но до этого было еще далеко, ему было двадцать шесть, и его здоровая англосаксонская красота была в самом расцвете.

Хотя ему не удалось достигнуть той цели, ради которой он, собственно, приехал в Лондон, он все-таки не жалел о том, что доставил себе это удовольствие. Несомненно, оно стоило ему дорого – так дорого, что второй подобной поездки он не сможет себе позволить, ибо Бартон, конечно, превосходное поместье, но все же не золотое дно. Однако, если даже ему придется уехать домой ни с чем и за неимением лучшего жениться на дочери приходского священника, он будет знать, что хоть раз повеселился, как следует мужчине, прежде чем остепениться и возложить на себя высокие обязанности отца семейства. Никогда больше он не будет красивым молодым холостяком со свободными деньгами в кармане.

Он положенное время, искренне горя, носил траур по любимому отцу, составил завещание и убедился в том, что все справедливые претензии удовлетворены и что поместье в

полном порядке. Затем он воспользовался случаем и в течение девяти недель приобщался к веселой жизни столицы. Будучи благовоспитанным молодым человеком, он приобщался к ней большей частью в домах и под покровительством почтенных великосветских дам, но дважды – нет, трижды, – не забывая, однако, о своем здоровье и репутации, знакомился с ней и в других местах. Теперь развлечения уже начали ему приедаться, и он затосковал по Бартону и коровам.

А все-таки жаль... Он хорошо знал, какая жена ему нужна, и знал также, что ему вряд ли удастся ее когда-нибудь найти, если его поездка в Лондон окажется бесплодной. В Уорикшире, даже если он и встретит такую девушку, он все равно не сможет добиться ее руки.

Рекомендательными письмами в Лондон местная знать снабдила его с большой охотой. Лично против него никто ничего не имел, и его вельможные соседи были очень любезны с нравственным и состоятельным юношей, который щедро жертвовал в предвыборные фонды и на достойные благотворительные учреждения, хорошо ездил верхом, хорошо стрелял и когда-то учился вместе с их сыновьями, – но не настолько любезны, чтобы отдать за него одну из своих дочерей. Ему тактично намекнули, что в Лондоне, где никто не помнит его отца, он скорее успеет в своем намерении.

В глубине души он давно уже злился на доброжелательную снисходительность местных лордов и сквайров. С тех пор как он начал думать об этом, он всегда чувствовал, что он, сын *parvenu*¹, имеет больше права на землю, теснее связан с ней, чем любой Мерием или Монктон. Правда, его отец принадлежал к «вульгарным нуворишам», к наглым чужакам, присутствие которых в графстве терпели только по необходимости. Но правда и то, что как человек – да и как хозяин – он был лучше любого из этих надменных сквайров, которые презрительно его сторонились. Разумеется, он скверно ездил верхом, боялся собственного ружья и был легкой мишенью для насмешек. Но тем не менее у всех его арендаторов было вдоволь чистой питьевой воды, и крыши у них не текли, чего нельзя было сказать о многих других поместьях. И кроме того, он любил в Бартоне каждый пруттик, каждый камешек.

Однако у человека, кроме отца, есть еще и мать; а мать Генри носила фамилию Бартон. Впрочем, и с этой стороны его кровь не была голубой – предки его матери снимали шляпу перед герцогом. Но они владели своей землей гораздо дольше, чем герцогская семья своей; они так долго работали, жили и умирали на этой земле, что в конце концов она завладела ими.

Она завладела и Генри. Этого нельзя объяснить, это можно либо понять, либо не понять. Жизнь фермы, ее звуки, ее запахи – сваленного в кучу навоза и скошенного сена, лошадиного пота, вспаханной земли и пенящегося в ведрах парного молока – стали частью Генри, вошли в его плоть и кровь. Бартон был смыслом и – чего он не знал – причиной его существования.

Богатство Телфордов было нажито торговлей, и далеко не всегда почтенной. Даже отец Генри в молодости был ливерпульским работоторговцем, хотя и не по своей воле. Его семья издавна занималась торговлей с Вест-Индией, и другого ремесла он не знал. Когда он был еще подростком, отец, зверскими побоями и грубыми насмешками давно уже сломивший его волю, сделал его своим агентом в деле. Когда он был юношей, они от торговли товарами постепенно перешли к торговле людьми, и он – сам безвольный раб – покорно выполнял свои обязанности. Освобожденный наконец неоплаканной смертью старого тирана от ненавистной работы, которой он с отвращением занимался в течение двадцати лет, робкий пожилой холостяк навсегда оставил Ливерпуль и все, что было с ним связано. Потом он отправился покупать за свои деньги право на вход в волшебный мир, о котором грезил все тяжкие и постыдные годы своей растоптанной юности. В этом мире субботнего покоя, резвящихся ягнят и выращивания роз изысканность должна была идти рука об руку с добротой, светскость с великодушием.

Одно за другим ему предлагали «подходящие имения», от которых он печально отказывался. Наконец, проезжая через глухой уголок западного Уорикшира, он увидел воплощение

¹ Выскочка (*фр.*).

своей мечты: старинный дом из красного кирпича – длинный и низкий, фруктовый сад, рощицу с фиалками и амбар времен первых Стюартов. Сквозь зелень сада виднелась квадратная серая колокольня нормандской деревенской церкви; перед усадьбой сочные луга спускались к извилистой речке. Едва увидев ферму Бартонов, он уже не мог думать ни о чем другом. Он робко навел справки.

Нет, усадьба пока еще не продается, но, как ни печально, всем известно, что этого не избежать. Семья Бартон всегда пользовалась большим уважением в здешних местах, хотя род их и не был, что называется, благородным. Ну, пошли всякие несчастья... А теперь все они поумирали, кроме одной барышни, которая и думать не хочет о том, чтобы расстаться с фермой, хотя и не может справиться с хозяйством. Бедняжка морит себя голодом, но все-таки у нее не хватает денег, чтобы выплачивать проценты по закладным. Уж лучше бы она согласилась продать усадьбу, пока есть возможность, все равно кредиторы скоро продадут ее за долги. Они сделают это хоть сейчас, если предложить им подходящую цену. Очень неплохое местечко для джентльмена, у которого найдутся деньжонки, чтобы нанять лесничего для охраны своих фазанов.

Намек не пропал даром. Но когда он увидел нежное лицо мисс Бартон, услышал ее тихий голос, почувствовал исходивший от нее запах лаванды, – щепетильная совесть бывшего работоторговца восстала против того, чтобы лишить ее последнего достояния. Ей было лет тридцать, в ней уже проглядывала увядающая старая дева, но тем не менее, несмотря на раннюю седину на висках, она была трогательно привлекательна. Он не мог выгнать бедняжку из дома, где она родилась, где умерли все ее близкие. Дело кончилось тем, что он женился на ней. А она – она согласилась бы выйти замуж за самого Князя тьмы, лишь бы не расставаться с Бартоном.

Оба вступили в брак скорее со старой усадьбой, чем друг с другом, и все-таки этот брак был достаточно счастливым. После семи лет мира и спокойствия миссис Телфорд умерла, оставив мужа неутешным вдовцом.

Милый добряк отец так старался быть настоящим джентльменом! Ради Генри, а не ради себя. Более нежного отца нельзя было и желать, и теперь, когда все кончилось, когда он уже не мог вызвать краску смущения на лице сына, не умевшего скрывать свои чувства, легко было вспоминать о нем с глубокой благодарностью и любовью. Собственно говоря, поставить ему в вину можно было только отдельные вульгарные выражения, промахи на званых обедах, бесконечные смешные неудачи на охоте и судорожную, словно извиняющуюся, манеру держаться, как будто он всегда немного стыдился себя.

В детстве все эти мелочи очень раздражали Генри, и теперь он жалел, что не всегда умел скрыть свою досаду. Рожденный наследником такого превосходного поместья, каким стал Бартон после того, как закладные были выкуплены и в хорошо охраняемых рощах снова в изобилии появилась дичь, выросший среди любимых собак и лошадей, он не должен был отвыкать от ланкаширского акцента или бороться с мучительными воспоминаниями. Ни разу в жизни он не видел ни Ливерпуля, ни невольничьего корабля и не вкладывал денег в работоторговлю. Даже его двоюродные братья давно переехали в Лондон и теперь торговали только сахаром. Ужасный дед, который заложил основу семейного богатства, скончался много лет назад, и о нем начали благополучно забывать. Нужно было еще только одно поколение. Если найти для них соответствующую мать и отдать их в соответствующую школу, сыновья Генри смогут быть на равной ноге с кем угодно. Но им нужна соответствующая мать: аристократизм Телфордов был еще слишком непрочен, чтобы можно было позволить себе спуститься хотя бы ступенью ниже. Им нужна мать, которая займет подобающее ей место в обществе Уорикшира, которую жены его бывших школьных товарищей не смогут ни опекать, ни игнорировать. А где он ее найдет?

Как он объяснил симпатизировавшей ему вдовствующей графине, в отношении приданого он всегда пойдет на уступки. Даже красота будущей невесты – хотя приятная внешность была бы очень желательна – не составляет обязательного условия. Попросту говоря, един-

ственно, что ему требуется, – это хорошая (как в буквальном, так и в переносном смысле) кровь, высокая нравственность и хороший характер; при наличии этих качеств ему подойдет любая девушка – разумеется, не запятнанная папизмом, сектантством или каким-нибудь скандалом, – у которой хватит благоразумия полюбить деревенскую жизнь и оценить доброго мужа и превосходное положение в обществе. Ведь быть хозяйкой Бартона...

Дойдя до этого, он порозовел и смутился. Ему было очень трудно говорить о Бартоне; его поместье не блистало показной роскошью, но оно было таким прелестным, неиспорченным, истинно английским: огромные вязы, грачи, вьющиеся над старинными коричневыми крышами, богатая, плодородная почва, усыпанные цветами луга, сады, шпалеры фруктовых деревьев и великолепный красный бык, родоначальник замечательной породы молочного скота, лучшей в Уорикшире.

* * *

Неудача следовала за неудачей, а лондонский сезон уже подходил к концу. Бродя по пышным комнатам леди Мерием и подхватывая обрывки сведений о присутствующих на балу молодых гостях, Генри гадал, о какой из них шла речь в ее письме. Среди приглашенных, разумеется, было довольно много девиц на выданье. Некоторые, как он уже выяснил, ему не подходили, другим не подходил он – простому джентльмену из провинции нечего мечтать о дочерях герцогов и министров. Оставались только замужние женщины, старые девы, вдова набоба, сверкающая изумрудами, ее сухопарые болезненные дочери...

Когда наконец занятая хозяйка улучила для него минуту, она представила его очень живой миниатюрной даме со звонким голосом и лихорадочно блестящими глазами, которая поспешила сообщить ему, что с ней «только что начавшая выезжать» дочь.

На мгновение нижняя губа Генри упрямо выпятилась, и его лицо стало некрасивым. Неужели он ждал девять недель только для того, чтобы ему предложили дочь этой накрашенной Иезавели? Девчонку, наверное, с начала сезона безрезультатно таскали по всем балам – иначе откуда такая назойливость? А теперь ее собираются навязать ему!

Какова бы ни была дочь, мать представляла собой поучительное зрелище. Когда он только начинал ходить, она, вероятно, была хорошенькой, как котенок, но кокетливые ужимки и детское сюсюканье теряют прелесть, когда женщина стареет. И так одеваться в ее возрасте!

Неприятнее всего его поразила фамилия – Карстейрс. Полчаса назад у ломберного стола он был вынужден резко оборвать какого-то мистера Карстейрса, который без стеснения пытался навязать ему сомнительное пари. Разумеется, ее родственник, – хотя слишком молод, чтобы быть ее мужем, а для сына слишком стар. Гнусного вида субъект. Несмотря на уродливый шрам, пересекающий веко, – красив, но какой-то неприятной красотой. Леди Мерием может считать его неотесанным провинциалом, но должна же она понимать, что у него хватит здравого смысла держаться подальше от подобной компании. В Уорикшире этой парочке нелегко было бы проникнуть в дом ее сестры. Лондонское общество, кажется, не слишком разборчиво.

Он вежливо прекратил излияния словоохотливой дамы, сославшись на тут же придуманное обещание посетить еще один дом, и оглянувшись, ища хозяйку, чтобы попрощаться с ней.

В пустом углу одиноко сидела девушка – так же, как час тому назад. Он уже не раз с мимолетным сочувствием поглядывал на нее. Не то чтобы его могло заинтересовать такое хрупкое, безжизненное, бесцветное создание, но ему показалось странным, что с ней никто не танцует. Бедняжке, очевидно, суждено просидеть так весь бал.

Но теперь, взглянув на нее, он почувствовал изумление. Однако не красота привлекла его внимание. Девушка была недурна собой – стройная, тонкая, с правильными чертами лица и изящно очерченными бровями. Присмотревшись, можно было заметить в ней своеобразную

неяркую прелесть. По контрасту с бесконечными пышными локонами ему понравились эти мягкие, пепельные волосы, которые были только чуть темнее ее лица и обрамляли его словно тень. Но молодой девушке не идут худоба и темные круги под глазами.

Трудно было найти что-нибудь менее похожее на веселую, розовощекую племенную кобылу, за которой он приехал в Лондон. Собственно говоря, его заинтересовала лишь ее полная неподвижность. Он никогда не видел, чтобы человек сидел так неподвижно. «Словно кошка у мышиной норки», – сказал он себе и посмотрел на нее взглядом опытного охотника, стараясь понять, каким образом ей удалось стать почти невидимой. Он поглядел еще раз. Да, – именно невидимой. Словно застывший без движения пугливый лесной зверек, который старается, чтобы его не заметили. Если бы не белое платье, выделявшееся на темной стене, она слилась бы с окружающим фоном, как лежащий заяц сливается с бурой землей.

Охваченный любопытством, он ждал, пока наконец она не пошевелилась. «Какое благородство движений!» – подумал он. Заметив хозяйку дома, он попросил, чтобы она его представила.

Мисс Беатриса Риверс в ответ на его приглашение сразу встала. Чувствовалось, что она училась у хорошего танцмейстера и была способной ученицей, – но что за удовольствие танцевать с девушкой, которая никогда не улыбается? Когда он предложил ей посидеть и поболтать, она согласилась с тем же покорным равнодушием. Сперва разговор никак не клеился. Она знала о светской жизни Лондона даже меньше, чем он, да и вообще, насколько он мог понять, мало что знала. Из всех сил стараясь разбить лед, он шутливо сказал, что театральная публика поднимает грачиный грай.

– Грай? – с недоумением переспросила она.

– Ну, когда грачи весной собираются и обсуждают друг с другом, что делать летом.

– Неужели? Я читала об этом, но разве это правда?

– Правда? Да я каждый год слышу их у себя на заднем дворе.

На ее лице впервые появилось выражение интереса. Он начал рассказывать ей о парламенте пернатых на старых вязах, и ему очень понравилось, что она по крайней мере хорошо умеет слушать.

Он пригласил ее на следующий танец, а потом на следующий, просидел их с ней в оранжерее и вскоре уже поверял ей свой заветный план улучшения кормовых трав. Описывая ей свое любимое, бесценное сокровище – старое пастбище, где росла лучшая во всем Уорикшире трава, он впервые увидел ее улыбку. И тогда же она произнесла те три слова, которые за весь разговор были единственной фразой, не являвшейся ответом на его вопрос:

– Я люблю траву.

Отвратительная миссис Карстейрс в слишком пестром, слишком девичьем наряде колышущейся походкой приблизилась к ним и прошептала:

– Беатриса, милочка, нам пора.

Генри растерянно смотрел им вслед. Ее мать! А тот субъект? Какое отношение может он иметь к подобной девушке? Дядя? Сводный брат? Неудивительно, что у нее такой подавленный вид.

Он заснул, все еще стараясь найти ответ на эти вопросы, а утром проснулся, вспоминая еле заметный пепельный отблеск, упавший на дымку волос, когда она повернула голову, чистую линию щеки от лба до подбородка и серьезную улыбку, с которой она слушала его рассуждения о траве. Она сама, подумал он, похожа на цветок травы на гладком стебле – изящный и такой скромный, что его трудно заметить. Но вот на него упал случайный солнечный луч, и пышные алые розы, казавшиеся столь восхитительными, – леди Томпкинс, например, или эта новая актриса, – вдруг превращаются в растрепанные кочаны капусты.

Глава II

Явившись на следующий день с визитом к леди Мерием, Генри не мог побороть любопытства и спросил, действительно ли миссис Карстейрс и мисс Риверс – мать и дочь? Они так непохожи.

В ответ на него обрушился целый поток сведений. К величайшему сожалению, это правда. Леди Мерием сделала внушительную паузу и затем прибавила, что хотела бы рассказать ему печальную историю. Она полагается на его скромность.

Дорогой мистер Риверс, сын известного судьи, старейший друг их семьи, умер чуть больше года тому назад, после долгих лет болезни и страданий, которые он безропотно переносил, а его вдова с совершенно неприличной поспешностью вышла замуж за Джека Карстейрса – человека благородного происхождения, но с очень скверной репутацией и к тому же моложе ее на одиннадцать лет. Настоящего скандала, который вынудил бы общество закрыть перед этой парой свои двери, еще не произошло. По крайней мере некоторые двери пока открыты перед ними из уважения к покойному мистеру Риверсу: все жалеют трех сирот, которых он оставил. Только одна эта несчастная не знала, почему Карстейрс женился на ней. Судебные приставы гнали за ним по пятам, а его родственники на этот раз решительно отказались уплатить его долги. Ему пришлось выбирать между женой с кое-какими деньгами и долговой тюрьмой. Судя по тому, как идут их дела, тюрьмы он все-таки не минует. Хорошо еще, что большей частью имущества, оставленного ее первым мужем, она может распоряжаться только с согласия своего сына.

Да, у нее есть сын. Он на пять лет старше Беатрисы и теперь служит в лиссабонском посольстве. В университете он получил несколько наград, а по окончании Оксфорда его рекомендовали на дипломатическую службу, потому что он знает необыкновенно много языков.

– Любая крестная, – с чувством сказала старая дама, – может гордиться таким крестником.

Мистер Риверс в молодости тоже был дипломатом. Его ждала блестящая карьера, но после болезни он ослеп, и его здоровье постепенно совсем расстроилось. Он был вынужден подать в отставку и все последующие годы жил на свои скромные доходы неподалеку от Лондона, занимаясь переводами древних авторов. Их семья еще со времен Стюартов была известна своей ученостью. Его легкомысленная жена порхала в поисках развлечений, Уолтер из-за своих занятий почти не жил дома, Элси – младшая – была еще совсем ребенком. Бедный слепой оказался бы в мучительном одиночестве, если бы не преданная любовь Беатрисы. С двенадцати лет она не выходила из библиотеки и спальни больного отца, развлекая его, заменяя ему секретаря и сиделку. Они обожали друг друга, и он забавлялся тем, что обучал ее латыни и другим неженским наукам.

Конечно, эта неестественная жизнь – сделала бедняжку сдержанной и замкнутой. Она страшно застенчива и, надо признаться, стала настоящим синим чулком. Однако такая милая, скромная девушка скоро избавится от этих недостатков. Легко представить, как она страдает оттого, что ей навязывают сомнительное общество приятелей ее отчима. Остается только надеяться, что какой-нибудь достойный человек вырвет ее из этого невозможного окружения и сделает счастливой.

Генри от души пожелал ей того же, но с мысленной оговоркой, что этим человеком будет не он. Ему было искренне жаль бедную девушку, очевидно очень хорошую и ставшую жертвой незаслуженно жестокой судьбы. Но одно дело – жалеть ее, даже немножко увлечься ею, и совсем другое – погубить свое будущее, повесив себе на шею вдобавок к собственному предку-пирату еще и таких родственников, как Карстейрсы. Телфордовских невольничьих кораблей и

чудовищного деда, который, как паук, жирел на чужих страданиях, более чем достаточно для ни в чем не повинного потомка. Нужно немедленно возвращаться в Бартон.

Он приступил к прощальным визитам и во втором же доме наткнулся на сияющую улыбкой миссис Карстейрс, за которой равнодушно следовала ее молчаливая дочь с усталыми глазами.

Ах, мистер Телфорд! Она только что спрашивала, где его можно найти. Завтра у них небольшой званый вечер – о, совсем простой, скромный! – и муж никогда не простит ей, если она не убедит мистера Телфорда посетить их; муж был так очарован... Они живут за городом, близ Кейтерема, совсем недалеко от Лондона. Быть может, мистер Телфорд захочет провести у них день, чтобы прогуляться верхом по холмам Северного Даунса, – такие прелестные места! К его услугам будет превосходная лошадь. Чистокровные кони – это единственная роскошь, которую они себе позволяют. А может быть, он доставит им удовольствие погостить у них неделю?

Ну уж нет, черт побери, подумал Генри. Какая наглость – приставать к нему, хотя он ясно показал и ей и ее мужу, что не желает иметь с ними никакого дела. А затем он с изумлением услышал, что благодарит ее и принимает приглашение.

Он ушел, бесясь, что позволил этой трещотке поставить себя в такое дурацкое положение, и подыскивая благовидный предлог нарушить обещание. Однако следующее утро застало его на склоне Северного Даунса, – он растерян и угрюмо выслушивал любезности своих хозяев, горячо желая очутиться где-нибудь подальше.

Черт дернул его приехать к этим людям! Что за отвратительный дом – вечное безделье, злобные сплетни, грязные намеки, бессмысленное мотовство и полный беспорядок в хозяйстве! Они попросту погубили хороший английский сад всякими итальянскими «улучшениями», ни одно из которых, судя по всему, не будет доведено до конца. А кругом – покосившиеся изгороди и заросшая сорняками истощенная земля, которая просто плачет по хорошей, честной лопате. И этот Карстейрс еще лезет рассуждать о деревенской жизни и правильном ведении хозяйства, когда у него не хватает ума вылечить собственных собак от глистов! От всего, чем владела эта парочка, так и разило хвастовством и фальшью; даже своих лошадей они выбирали за родословную, а не за хорошие стати. Нетрудно было догадаться, что их деньги – вернее, чужие деньги – будут потрачены скорее на какую-нибудь заморенную клячу, чей предок когда-то стоял в конюшне герцога, чем на крепкого коня, который сможет, не захрипев, взбежать со своим всадником на холм.

А развязность этой избалованной шестнадцатилетней девчонки! Хотя ее винить особенно не приходится. В подобном доме ей трудно было научиться приличным манерам. Очень хорошенькая и отлично знает цену своему личику! После очередной дерзости взглянет на тебя из-под ресниц, засмеется, и, как бы ты ни сердился, тебе ни за что не удержаться от смеха. Но тут мимо, словно печальное видение, скользнет Беатриса, чьи глаза разрывают тебе сердце и даже не замечают тебя; и когда ты снова согласишься на Элли, окажется, что это просто хихикающая вертушка. Будь она его дочерью, он отшлепал бы ее как следует, чтобы не изводила свою старую глухую гувернантку и не называла отчима Джако. Джако!

А гости! Шумная компания разошлась только на рассвете, и все были вдребезги пьяны. Кроме него (он сам не понимал, зачем это делает), ночевать осталось еще трое: любитель пари по имени Триг – субъект с очень неприятным лицом, и две разодетые особы – откровенные наглые шлюхи, которые не скрывали своего презрения к глупой женщине, чей хлеб они ели, кокетничали с ее мужем прямо у нее на глазах, а за ее спиной издевались над ее ревностью. Фу! Зачем он здесь? Надо уезжать.

Но он не уехал. Ему по крайней мере нечего было стыдиться, что он ест хлеб людей, которых презирает: он заплатил жалованье их слугам. Он не прожил здесь еще и двух дней, когда хозяин дома занял у него денег «до субботы», и нетрудно было догадаться, куда они пошли. С

этого дня слуги стали гораздо вежливее. Несомненно, они сговорились и пригрозили устроить скандал в присутствии гостей, если им не заплатят хотя бы половину. Если он уедет раньше, чем ему вернут долг, он наверняка больше не увидит своих денег. Однако это лучше, чем быть обязанным подобным людям. Десять гиней – очень щедрая недельная плата за довольно скверный стол и пользование хромой лошастью; пусть забирают. Но кому понравится, чтобы его надували? Он нарочно останется до субботы, чтобы проучить этого мошенника.

Кроме того, раз уж он примирился со всеми этими неприятностями и с бессмысленной тратой времени и денег, почему бы и не остаться еще на день-два, если они так настаивают? Может быть, ему повезет и он опять увидит, как Беатриса улыбается, – пусть даже котенку. Ее улыбка напоминала робкий солнечный луч в пасмурный день. Но она улыбалась редко, а ему – никогда.

Что с этой девушкой? Может быть, она все еще горюет об отце? Или – и это было бы вполне естественно – ее мучит позор семьи? Вчера он увидел, что она сидит одна в беседке, и направился было туда, надеясь поболтать с ней. Затем он заметил судорожно сжатые руки, неподвижный взгляд, словно устремленный на что-то ужасное, и прошел мимо, не потревожив ее. Она не поблагодарила бы его, если бы он вздумал совать нос в ее печали.

Да и вообще он начинал бояться, что внушает ей отвращение. Она с ним почти не разговаривала; хотя трудно было на нее за это сердиться – ведь мать и отчим открыто навязывали ее ему. От их старания поймать его в зятя, от болезненного смущения и стыда бедной девушки ему было так же не по себе, как если бы ему в руку насильно засовывали холодную рыбку, которая слабо трепыхается, пытаясь выскользнуть на свободу. Ясно, что для нее будет лучше всего, если он немедленно покинет этот дом. Ну ладно, в субботу он уедет.

Прошла суббота, за ней воскресенье, но по-прежнему хозяин не заговаривал о долге, гость – об отъезде, а Беатриса по-прежнему не улыбалась.

В понедельник, когда они отправлялись на обычную утреннюю прогулку верхом, он протянул девушке руку, чтобы помочь ей сесть в седло, и заметил, как она, вздрогнув, уклонилась от его прикосновения.

– Беатриса! – прикрикнула мать.

А! Вот наконец ее настоящий голос. Этот злобный визг заставил Генри быстро оглянуться. Карстейрс, стоявший рядом с женой, посмотрел на Беатрису со снисходительным отеческим неодобрением, но это выражение на секунду опоздало.

Беатриса немедленно приняла протянутую руку. Ее пальцы дрожали.

Нет, хватит! Если из-за него ее мучат и запугивают, ему остается только одно. Сославшись на первый пришедший ему в голову предлог, он уехал в тот же день, не слушая любезных уговоров своих хозяев и не обращая внимания на сердитое разочарование в их глазах. Может быть, они примутся избивать девушку, едва он скроется из виду, но если бы он остался, это было бы для нее еще хуже. Чем скорее он вернется домой и женится или хотя бы станет женихом, тем лучше для них обоих.

Дочка священника будет ему подходящей, благоразумной женой, а в ее согласии можно не сомневаться – такой партии она ни за что не упустит. Жаль только, что у нее редкие зубы и неприятная привычка громко их высасывать. Но что поделаешь? Больше недели садясь за один стол с уличными девками, возблаговаришь Творца за любую добрую христианку. И по крайней мере она не будет шарахаться от прикосновения честного человека, как от чумы.

Вот, значит, и конец. Ну что же, он получил хороший урок и больше никогда не будет принимать приглашения людей с такой репутацией. Ему повезло, что он вовремя выбрался из этой ловушки. Еще два-три дня – и они воспользовались бы какой-нибудь его оплошностью или что-нибудь подстроили бы, чтобы скомпрометировать его или Беатрису, и принудили бы его к несчастному браку с девушкой, которая смотрит на него с ненавистью и может принести ему только горе.

Приехав в Лондон, Генри написал прощальные благодарственные письма леди Мерием и другим светским дамам, в чьих домах он был принят, ссылаясь на дела, которые заставляют его немедленно уехать. Он лег спать сразу после ужина, предупредив своего слугу, что они выезжают рано утром. Как всегда, он заснул, едва только лег; но на рассвете проснулся и, повинуясь внезапному порыву, встал, оделся, разбудил слугу, приказал оседлать лошадь и, отложив отъезд до следующего дня, поскакал в Кейтерем. Он вспомнил, что Беатриса встает рано и, если утро ясное, уходит гулять с собаками прежде, чем просыпаются ее мать и отчим. Конечно, к дому он не подъедет, но ведь есть тропинка, по которой можно подняться на холм с другой стороны. Он доедет до вершины, спустится в лесок и, когда Беатриса начнет подниматься по холму, встретит ее там, только чтобы убедиться, что с ней ничего не случилось.

Пожалуй, лучше не заговаривать с ней. Он ничем не может ей помочь и только оскорбит ее своим непрошеным участием. Он просто посмотрит на нее издали – один раз. В этом нет ничего плохого: ведь она даже не узнает. А потом он уедет, женится и забудет о ней.

У нижней опушки он привязал лошадь к изгороди, сел на упавшее дерево и стал грустно смотреть на чудесную холмистую равнину, на тропинку, извивавшуюся по крутому склону, на дом в четверти мили от него. Он ждал долго, но она не появлялась. Все это так глупо! Наверное, он опоздал и пропустил ее. Теперь, пожалуй, все уже встают, а в такое ясное утро ярко-синяя куртка его нового костюма для верховой езды, который вчера прислал портной, видна издали.

Нет, вот она. Выходит из дома с двумя собаками. Он поспешил укрыться в лесу. На полпути тропинка пересекала солнечную полянку. Рядом с ней из густых кустов поднималось огромное дерево. Он встал позади ствола и осторожно посмотрел сквозь темную листву кустов. Здесь она его не увидит.

Но он не подумал о собаках. Когда она, не заметив его, проходила мимо, одна из них остановилась, понюхала воздух и с лаем кинулась к нему. Проклятый пес!

Она обернулась на шум, и ее лицо мгновенно превратилось в застывшую маску ужаса. Да ведь она приняла его за...

– Беатриса! Мисс Риверс! Не пугайтесь, это я, Генри Телфорд.

Когда он вышел из своего тайника, она вздрогнула, свистнула собакам и замерла, судорожно прижав руку к вырезу платья. Страх на ее лице сменился настороженностью. Он подошел, бормоча извинения:

– Дорогая мисс Риверс, ради бога, простите меня! Я так огорчен, что испугал вас. Я не хотел... Я приехал только...

– Почему?

– Ну, потому что... Просто еще раз поглядеть на вас. Я не хотел вам надоедать; если бы не собака... Я ведь больше никогда вас не увижу, никогда... Если только... Согласны вы стать моей женой?

Он остановился, сам не зная, какого ответа больше боится – «да» или «нет». Как она побледнела! И почему она так страшно неподвижна?

Рука на груди медленно разжалась и бессильно упала. Девушка несколько раз судорожно глотнула и наконец снова спросила:

– Почему?

– Почему... что?

– Почему вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж?

– Ну... потому что я люблю вас.

Все эти дни он ждал, чтобы она улыбнулась. Теперь она улыбнулась, и он пожалел об этом. Это была *не такая* улыбка. Она сделала юное лицо старым, как вечность. На один краткий миг тревожного просветления он понял, что боится Беатрисы.

– Хорошо, я выйду за вас замуж.

И все. Словно он пригласил ее пройти с ним до вершины холма. Только через секунду растерявшийся молодой человек осознал, что теперь он – счастливый жених.

– Вы согласны? Я... я буду хорошим мужем. Я обещаю...

Он завладел уже совсем ослабевшей рукой. На этот раз она не дрожала, но по-прежнему была ледяной. Странная мысль пришла ему в голову: когда рыбка умирает, она перестает трепыхаться.

– Я понимаю, – растерянно пробормотал он, выпуская ее руку. – Это немного неожиданно.

– Да. Я полагаю, что нам следует пойти домой и сказать им. Это ваша лошадь там, у изгороди? Ровер, Ровер! Пэтси! Домой!

Он шел рядом с ней, как щенок, которого окатили холодной водой. Если это называется быть женихом, то...

Выйдя из леса, они заметили вдалеке миссис Карстейрс, которая разговаривала на лужайке с помощником садовника. Она увидела их прежде, чем Генри успел отвязать свою лошадь, удивленно и радостно помахала ему и, выйдя из сада, поспешила к ним навстречу.

«Конец, – подумал Генри. – Теперь возврата нет».

О чем спрашивает его Беатриса?

– Вы завтракали?

– Я... да... нет; я выехал совсем рано.

– Из Лондона? Вы, должно быть, очень голодны. Завтрак, наверное, скоро подадут: когда я выходила, на кухне уже затапливали плиту.

Эта женщина всего в пятидесяти ярдах от них, а она говорит о завтраке! Еще минута, и он должен будет сказать... сказать то, что полагается говорить жениху: сделала меня счастливейшим из... Нет, так говорят только в книгах. Дала свое согласие... О, черт! Что говорят в подобных случаях?

Но говорить ничего не пришлось. Беатриса подошла к матери и поглядела ей прямо в глаза.

– Мама, я выхожу замуж за мистера Телфорда.

Все остальные события дня слились в один нелепый, путанный кошмар – такой, в котором одно немыслимое следует за другим и все кажется естественным и само собой разумеющимся. Он ясно сознавал только одно – его обманули, лишили того, на что он имел неоспоримое право. Когда предложение принято, жених целует свою невесту – так заведено, а ему не дали поцеловать Беатрису.

Зато миссис Карстейрс не скупилась на поцелуи. Она то и дело целовала их обоих с шумной нежностью, а в промежутках подносила к глазам кружевной платочек. Фу! Хоть бы она не душилась этими мерзкими духами. Тошнотворный запах! Как бишь они называются? Он вспомнил, что много лет тому назад кто-то говорил ему их название...

Ах да – та рыжая, с которой он ездил вверх по Темзе...

С этим покончено. С тех пор прошла вечность – неполных три недели, но тогда он еще и не слышал о Беатрисе. А теперь он уже почти женат...

Когда они входили в дом, к ним навстречу сбежала по лестнице Элси, оживленная, как сорока. Услышав новость, она тоже кинулась целовать его. Ну, ее поцелуи еще можно было стерпеть – она была веселым, здоровым ребенком и, кажется, ласковым, несмотря на свою распущенность. Очень милая, должно быть, если узнать ее поближе. И, во всяком случае, ничем хуже мыла от нее не пахнет – чистоплотный запах.

Вскоре они сели завтракать, и обе шлюхи тоже. К счастью, Трига не было: он ночевал в Лондоне. Но женщины встретили новость таким визгом поздравлений, что сверху донесся злобный рев, – хозяин дома желал узнать, с чего они раскудахтались. Элси захихикала.

– У Джако, наверное, голова с похмелья раскалывается. Я вчера слышала, как его рвало. Сколько раз я ему советовала пить поменьше ершей. Если он не перестанет, то скоро облысеет, как наш поп.

В шестнадцать-то лет!

Наверху хлопнула дверь, по лестнице прошлепали шаги, затем из коридора донесся шум сердитой перебранки. Карстейрс опять сцепился с кем-то из слуг. Следует поставить в известность и его, но как сообщить такую новость человеку в подобном состоянии? Единственное, что пришло Генри в голову, было: «Забудьте об этих десяти гинеех». Он посмотрел на Беатрису. На ее помощь рассчитывать не приходилось – она словно окаменела.

На этот раз положение спасла Элси. Когда дверь распахнулась и показался Карстейрс с пожелтевшими белками глаз и злобно искривленным ртом, дерзкая девчонка вприпрыжку подбежала к нему и воскликнула:

– Джако, ты мне должен полкроны! Мистер Телфорд все-таки женится на Би. Что я тебе говорила?

Карстейрс несколько секунд, выпучив глаза, смотрел на невероятно глупую муху, которая, вырвавшись из паутины, добровольно вернулась в нее; затем, выпив залпом рюмку неразбавленного спирта, которую ему подала жена, он взял себя в руки.

– Чудесно! Я в восторге, мой милый, в восторге! Поздравляю от всего сердца!

Последовали бесконечные рукопожатия.

– Но, Джако, – захлебывалась Элси, которая просто плясала от возбуждения, – ты же не поздравил Би! Ты должен поцеловать ее и...

Ее сестра отступила к столу.

– Мама, завтрак стынет, а мистер Телфорд, вероятно, страшно голоден; он выехал из Лондона в четыре часа утра.

– Боже мой, так не годится, – поспешно сказал Карстейрс. – Рюмочку коньяку, Телфорд? Не хотите? Да садитесь же... Как, Дора, снова ветчина и яйца? Неужели у тебя не нашлось рыбы?

Когда завтрак окончился, супруги обменялись взглядами и встали из-за стола.

– Ну, – сказал Карстейрс, – пойдемте в библиотеку и поговорим. Нет, Элси, к тебе это не относится. Беги-ка ты к мисс Смизерс. И Беатриса нам тоже не нужна. Идемте, дорогой Телфорд.

В библиотеке Генри отразил все настойчивые попытки выведать у него подробности о его денежных делах. Когда на него нажимали слишком сильно, он упрямо выпячивал нижнюю губу. О брачном контракте говорить пока еще рано, сказал он. Им незачем беспокоиться о Беатрисе: у него неплохое состояние и он может и готов прилично обеспечить жену и детей, но прежде чем решать частности, ему нужно съездить в Уорикшир и посоветоваться со своим банкиром и поверенным.

Нижняя губа опять сказала «стоп», и Карстейрс, отказавшись от своего намерения вырвать у Генри какое-нибудь обещание, предпочел вместо этого попросить у него займы. Ему еще не прислали деньги, какая-то необъяснимая задержка; он вернет оба долга сразу. К счастью, в карманах Генри почти ничего не оказалось, но он выложил в качестве выкупа еще две гинеи и ушел из библиотеки. Затем будущая теща увлекла его «поговорить по душам» в нелепый хаос недоделок, который она называла итальянским садом. Она хотела обсудить приготовления к свадьбе, и выполнение хотя бы половины ее планов означало закладную на Бартон. Он долго не мог от нее избавиться. Затем в него вцепилась Элси. Он должен пойти с ней на задний двор и объяснить, как вылечить щенка, который сопит. Казалось, все искали его общества – все, кроме Беатрисы, которая совсем не показывалась.

Рассказав, что делать со щенком, он посоветовал Элси вернуться к мисс Смизерс и заняться уроками. Она сделала гримаску, а потом, услышав голос вернувшегося Трига, помча-

лась еще раз сообщать великую новость. Наконец-то Генри освободился и мог отправиться на поиски неуловимой Беатрисы. Так и не найдя ее, он уныло вернулся на задний двор и решил заглянуть в конюшню, чтобы проверить, задан ли овес его коню. В подобном доме ни на кого нельзя положиться.

В конюшне было темно. Когда он открыл дверь, впусив туда поток солнечных лучей, кто-то звонко хлопнул его по плечу.

– Ну, милый мой Джако, фокус все-таки удался. А я уж подумал, что он от тебя улизнул. Помни, первый заем – в мою пользу. Ведь это я надоумил тебя пригласить... О, черт!

Когда Генри, подняв кулак, одним рывком повернулся к нему, Триг выдал:

– Извините... ошибся... – и исчез.

Генри глядел ему вслед с угрюмой улыбкой – этот мерзавец догадался, что надо бежать, пока у него цела челюсть. Но почему он принял его за Карстейрса? Они же совсем не похожи. Оба высокого роста, но...

Ах да! У Карстейрса тоже есть модная синяя куртка для верховой езды. Яркий свет, вероятно, ослепил Трига. Что ж, теперь он по крайней мере предупрежден.

За весь этот несчастный день ему так и не удалось поговорить с Беатрисой наедине. Он был совершенно уверен, что она сознательно избегает его. Даже мерку для обручального кольца он снимал под аккомпанемент назойливых замечаний и советов всей семьи. Он спросил ее, какой камень она предпочитает. Она сказала, что равнодушна к драгоценностям, пусть он выберет, что хочет. Но Эlsi была не так сдержанна.

– Купи бриллиант, Генри.

– По-моему, самый романтичный камень – сапфир, – сказала ее мать. – Когда я обручилась с моим первым мужем, он выбрал сапфир. Он сказал, что сапфиры похожи на мои глаза.

– Дороже всего сейчас ценятся изумруды, – заметил Карстейрс. – Запомните это, мой мальчик. Если вам срочно понадобятся деньги под залог этого кольца, вы увидите, что с хорошим изумрудом ничто не сравнится. Уж я-то знаю, как выгодно поместить деньги.

Черт бы их всех побрал. Он не спрашивал их мнения. Он спрашивал, чего хочет Беатриса, а она, по-видимому, ничего не хочет.

Вечером, выводя свою лошадь из конюшни, он улучил минуту и шепотом спросил Беатрису, не хочет ли она еще чего-нибудь, какого-нибудь подарка.

– Нет, ничего. Я вам очень благодарна.

Он возвращался в Лондон грустный и растерянный. Если бы у него в кармане не лежала мерка для кольца, ему трудно было бы поверить, что он и в самом деле жених.

Глава III

Первые крохи утешения он получил от леди Мерием. Когда на следующий день он зашел к ней сообщить о своей помолвке, ее радость была так искренна, что его настроение немного поднялось. Она откровенно призналась, что очень тревожилась, но теперь он ее успокоил: скоро Беатриса будет под надежной защитой. За него она тоже рада: девушка, которая была такой преданной дочерью, несомненно будет хорошей женой.

В этом он не сомневается, сказал Генри, но будет ли она счастлива – другой вопрос. Он опасается, не потому ли она приняла его предложение, что ее к этому принудили.

Как подобная мысль могла прийти ему в голову?

Он попытался объяснить. Но он не умел объяснять, а она еще меньше умела понимать. До нее дошло только одно: молодой человек обижен, потому что девушка не выказала достаточного восторга. В ее голосе зазвучал оттенок доброжелательной снисходительности, который был так хорошо знаком ему по Уорикширу.

– Не забывайте, что Беатрису воспитывал отец, который, если бы не его несчастье, давно уже был бы послом. Девушки ее круга не выражают открыто свои чувства после столь непродолжительного знакомства.

Она сделала презрительную гримасу и прибавила:

– Неужели избыток скромности – такой уж непростительный недостаток для девятнадцатилетней девушки?

В другое время Генри, возможно, и не стерпел бы подобного щелчка по носу. Но теперь он был слишком встревожен, чтобы обижаться на то, что на него смотрят сверху вниз. Он снова пустился в бессвязные объяснения, и выражение сдержанной надменности, появившееся было на пухлом лице старой дамы, сменилось добродушием, которое шло ей гораздо больше. Услышав о встрече в лесу, она всплеснула толстыми руками, пальцы которых были унизаны кольцами.

– Но, мой милый, нельзя же так пугать молоденькую девушку. Прятаться за деревом в пустынном месте! Бедняжка, наверное, приняла вас за бродягу с дубиной. И вы еще хотите, чтобы она через пять минут стала веселой и оживленной.

Генри был полон раскаяния. Да, теперь он понимает, что поступил опрометчиво, и очень сожалеет. Но ведь этим нельзя объяснить ее равнодушие к выбору кольца. Он продолжал свой рассказ. Когда он дошел до случая с сапфиром, леди Мерием засмеялась.

– Ох, уж эта мне Дора и ее глаза! И как похоже на Беатрису – ничего не хотеть. Истинная дочь своего отца!

Она потрепала его по руке.

– Вы оба просто младенцы. Ну, а теперь отправляйтесь покупать кольцо, какое вам понравится. Она будет ценить его за то, что это ваш подарок, а не за камень.

Он ушел от нее утешенный и после долгих колебаний выбрал наконец кольцо с бриллиантом, которое было ему не совсем по карману. Временное уменьшение счета в банке само по себе не страшно, но ведь предстоят еще значительные расходы. Надо заново отделать дом, чтобы достойно принять ее; надо будет оплатить брачный контракт; супруги Карстейрс, вероятно, найдут лазейку, чтобы уклониться от оплаты своей доли свадебных расходов; и ему уже ясно дали понять, что он должен свозить Беатрису в Париж по крайней мере на месяц. Может быть, лучше было потратить на кольцо только пятьдесят гиней?

Нет, то кольцо было бы слишком дешево для такой изумительной руки. Прелесть лица Беатрисы то вспыхивала, то угасала, но ее руки всегда оставались прекрасными – прекрасными, как руки величественной красавицы на портрете, который висел в гостиной в Кейтереме, – ее бабушки или прабабушки. Кроме того, свадьбу можно устроить поскромней, да и

медовый месяц тоже. Беатриса поймет; она не захочет, чтобы он рубил старый лес или нарушил обещание, которое дал умирающему отцу, – всегда жить по средствам и не залезать в долги. Года два им придется немного экономить. Но раз уж он так дорого заплатил за кольцо, пусть оно и ему доставит удовольствие. Он хоть на минуту останется с Беатрисой наедине. Жадные глаза не будут глядеть на кольцо, прикидывая цену, – уж об этом-то он позаботится!

На этот раз ему повезло: он застал ее в саду, и она была одна.

– Пойдемте в библиотеку, – сказал он, – я хочу вам кое-что показать.

Она молча открыла футляр и так долго и внимательно смотрела на кольцо, что он испугался.

– Оно вам не нравится?

– Очень нравится. Оно прекрасно. Но... – Она подняла на него глаза. – Генри... пожалуйста, не считайте, что вы должны покупать мне дорогие подарки. Мне... они не нужны... правда, не нужны...

В первый раз он видел на ее лице такое выражение, словно она собирается заплакать.

– Но, дорогая, каждой девушке нужно хорошее обручальное кольцо. Ведь это бывает раз в жизни.

– Да, но... Генри, они говорили вам? У меня мало денег.

– Ну и что же? Нам хватит и моих. Разве вам так много нужно на булавки?

– Ах, дело не в этом! Тех денег, которые я получу, когда стану совершеннолетней, мне, наверное, хватит на платья. Но за мной ничего не дают. Если вы об этом знаете, то...

Неужели она думает, что он охотится за приданым? Пожалуй, самое правильное будет обратить все в шутку. Он засмеялся:

– Не огорчайтесь. Мне нужны вы.

Что он такого сказал? Почему у нее стало такое лицо? Почти безобразное.

Она протянула левую руку, чтобы он надел ей кольцо. Но когда он попытался поцеловать ее, она отшатнулась, отталкивая его обеими руками.

– Нет, нет!

Потом она овладела собой.

– Простите, Генри, я не хотела... Да, поцелуйте меня.

Но ему уже совсем не хотелось целоваться. Он поглядел на нее, растерянно хмурясь.

– Послушайте, Беатриса. Вы уверены, что любите меня? Я не хочу жениться на девушке против ее воли. Если вас кто-нибудь заставляет...

– Нет, Генри, меня никто не заставляет.

– Это правда? Если ваша мать или... кто-нибудь еще настаивает, чтобы вы...

– Разумеется, они настаивают, но это не имеет никакого значения. Они не могли бы меня заставить, если бы я сама не хотела.

Она медленно подняла на него глаза.

– Я... я рада, что нужна вам. Я сделаю все, чтобы вы не пожалели. Просто это... немного неожиданно. Я скоро привыкну.

Последовал первый поцелуй, если это можно было назвать поцелуем. Потом они вышли из библиотеки и увидели, что их ожидает все семейство. Элси жаждала поскорее увидеть кольцо и просто места себе не находила от нетерпения.

– Ты его привез? Покажи! Ох, какая прелесть! Ну, Би, теперь ты должна выбросить засохшие цветы, которые тебе подарил тот, другой, раз Генри привез тебе такое кольцо.

– Какие цветы? – резко спросила миссис Карстейрс.

– Ну, цветы... или письма, а может, еще что-нибудь. Во всяком случае, Би что-то прячет за корсетом, а по ночам кладет под подушку, – я сама видела. Да, Би, видела! Ты думала, что я сплю...

– Придержи язык, Элси, – сердито перебил Карстейрс.

Беатриса отвернулась и молча вышла из комнаты.

Немного позже миссис Карстейрс подошла к Генри.

– Мой дорогой, я боюсь, что наша плутовка Элси сегодня утром вас расстроила. Она всегда шалит и не может обойтись без шуток. Не ревнуйте; кроме вас, Беатрисе еще не нравился ни один мужчина. Я догадываюсь, что это: медальон с портретом ее отца. После его смерти он исчез, и мне не хотелось расспрашивать бедную девочку, хотя я с самого начала знала, что медальон у нее. Вы знаете, как она любила отца. Но, может быть, вы подумали...

Генри вне себя от ярости перебил ее:

– Я ничего подобного не думал! Я сам знаю, что Беатриса не из тех девушек, которые способны носить кольцо одного человека и прятать в своей постели письма другого. Раз уж вы спрашиваете, я скажу, что я думаю: по-моему, Элси заслуживает хорошей порки, и я сам готов отшлепать ее как следует. Я не считаю, что подобные шутки приличны для девочки, которая только-только вышла из детской.

Он ушел совершенно взбешенный. Еще минута, и он высказал бы этой женщине все, что о ней думает. Она смеет уверять его, как будто он сам не уверен...

А уверен ли он? Он был совершенно уверен, что Беатриса не сделала ничего постыдного. Но как знать – вдруг она тайно оплакивает первую любовь, которая увяла, не успев расцвести? Это объяснило бы многое...

Чепуха! Портрет ее отца – и больше ничего.

Как только ему удалось застать ее одну, он заговорил о свадебном путешествии. Ему не хотелось бы, объяснил он, выходить из бюджета, потому что тогда придется тратить деньги, которые его отец отложил для непредвиденных починок на фермах или на случай болезней среди арендаторов, – хорошие арендаторы заслуживают хорошего хозяина. Если бы вместо Парижа они съездили на какой-нибудь ближний курорт, это обошлось бы гораздо дешевле. Он слышал о прекрасной гостинице в приморском городе Брайтхелмстоне, который считается приятным и здоровым местом. Ее очень огорчит, если они пока отложат поездку в Париж?

Конечно нет, и она хочет, чтобы свадьба была поскромней.

Потом он задал ей еще один вопрос: не обидится ли она, если он теперь же уедет в Бартон, чтобы все приготовить? Он так долго не был дома, что его присутствие там, вероятно, необходимо. Он вернется первого сентября. И тогда, как только будет готово ее приданое, можно будет сделать оглашение.

Разумеется, пусть он поступает, как сочтет нужным. Это было все, что она сказала, но облегчение, которое она почувствовала при мысли о его отъезде, было до боли очевидным. Тем не менее он тоже почувствовал облегчение. Теперь, когда она наконец надела его кольцо, эти гарпии на некоторое время успокоятся и не будут ее мучить; а чем дольше он задержится в Бартоне, тем меньше будет у Карстейрса возможностей выманивать у него деньги. Кроме того, у этой странной застенчивой девушки будет время свыкнуться с мыслью о замужестве.

Дома у него оказалось столько дел, что ему некогда было раздумывать о том, что хранится у нее под подушкой, хотя, впрочем, все это, может быть, просто злокозненное воображение ее сестры. Ее чрезмерная скромность тоже перестала его тревожить. В конце концов что здесь удивительного? Какой девушке понравится, если ее навязывают, – пусть даже человеку, которого она любит? Когда они поженятся и он увезет ее из этого отвратительного дома, все будет по-другому.

Из Бартона он иногда отваживался посылать ей маленькие подарки. Ее ответные письма содержали только выражения благодарности и уверения, что она здорова и ни в чем не нуждается.

Вернувшись в Лондон, он в тот же вечер поехал в Кейтерем с брачным контрактом в кармане. К счастью, там не оказалось никаких неприятных гостей – только незнакомый моло-

дой человек необычайно привлекательной наружности, с мягким голосом и очень похожий на Беатрису.

Миссис Карстейрс и ее муж были чем-то встревожены.

– Мой сын, Уолтер Риверс, – сказала она. – Он неожиданно приехал вчера из Португалии в короткий отпуск. Мы так рады, что он здесь.

Ну, кажется, среди родственников его жены нашелся хоть один, которого можно будет, не краснея, представить уорикширскому обществу. Немножко женоподобный, правда, – наверное, такой же книжный червь, как и его отец. Побольше мужественности ему не помешало бы, но это по крайней мере джентльмен. Генри почувствовал облегчение.

– Надеюсь, вы сможете задержаться до нашей свадьбы? – спросил он.

– Я должен уехать в четверг.

– Как! Неужели в следующий четверг?

– Да. К сожалению, я могу пробыть в Англии только неделю.

Генри был поражен. Стоило ли приезжать из Португалии на одну неделю?

– Ужасно мало, не правда ли? – сказала миссис Карстейрс. – Но такова уж судьба дипломата: никогда ничего нельзя знать заранее.

Вскоре она приказала Элси идти спать и после обычных пререканий выпроводила ее наверх. Затем она повернулась к Генри.

– Мы хотели спросить вас, может быть, вы согласитесь поторопиться со свадьбой? Для того чтобы Уолтер мог быть посаженным отцом милочки Беатрисы. Ведь вы понимаете, он теперь глава семьи Риверс...

– Но ведь он уезжает в четверг.

– Да, конечно, это несколько неожиданно, но Уолтер очень хочет присутствовать при церемонии. Беатриса не огорчится, если ее приданое будет еще не совсем готово. Не так ли, дорогая?

– Да, – сказала Беатриса. Она сидела, опустив голову, и не принимала никакого участия в разговоре.

Ее мать торопливо продолжала:

– Мы успеем приготовить простенькое подвенечное платье... ведь вы и сами говорили, что предпочли бы свадьбу поскромнее.

– Но это же невозможно! Только на оглашение потребуется три недели.

– Если взять специальное разрешение...

Генри нахмурился. Они ведь не убегают в Гретна-Грин. В уорикширском обществе так не принято.

– Отчасти это ради Элси, – добавила миссис Карстейрс. – Она уезжает с Уолтером, а мы обещали ей, что она будет подружкой. Бедняжка будет так разочарована!

Генри хмурился все сильнее. Ему лгали – сейчас или прежде, – а он ненавидел ложь.

– Элси только что мне сказала, – ответил он, – что она через неделю уезжает погостить к подруге в Эпсом.

– Она еще ничего не знает; это было решено только час тому назад. Мы скажем ей обо всем завтра.

– О чем именно?

– Мы отдаем ее во французский пансион. Уолтер считает, что она уже слишком большая, чтобы заниматься с мисс Смизерс, и... и что ей следует усовершенствоваться во французском языке. К счастью, он возвращается через Париж и сможет отвезти ее туда и оставить...

– В Париже, этого ребенка? С кем?

– Уолтер подыскал для нее превосходный пансион; он навел справки через английское посольство. Супруга посла очень любезно предложила свои услуги. Все так удачно складывается.

Генри посмотрел на Уолтера. Что за человек этот изнеженный юноша, который как снег на голову является из Португалии и решает все за всех? Посмотреть на него – тише воды, ниже травы, но это не помешало ему единым махом устроить свадьбу одной сестры, отдать в пансион другую и по дороге заручиться помощью незнакомой дамы, прежде чем он соизволил сообщить матери свои планы.

Уолтер встал.

– Я хочу пройтись. Не составите ли вы мне компанию?

Когда они отошли от дома, он повернулся к Генри.

– Могу я говорить с вами откровенно?

Генри, у которого к этому времени уже голова шла кругом, осторожно ответил, что будет очень рад. Но Уолтер, казалось, вдруг утратил дар речи.

– Мне кажется, – начал он наконец, – вы уже довольно близко познакомились с мужем моей матери?

– Ближе, чем мне хотелось бы, – пробормотал Генри. Раз уж дело дошло до откровенности, он тоже умеет быть откровенным.

– Во всяком случае, достаточно, чтобы понять, насколько этот дом теперь – неподходящее место для двух молоденьких девушек?

Генри угрюмо кивнул. Это по крайней мере прямой разговор.

– Вы можете себе представить, как я беспокоился о сестрах с тех пор, как умер мой отец? Ведь Португалия очень далеко. Затем я узнал о втором браке моей матери... Я попросил отпуск, но мне отказали. Я чувствовал, что не могу объяснить всего. Она же... моя мать, вы понимаете?

– Понимаю, – сказал Генри.

– Тогда я написал нашему поверенному, мистеру Уинтропу, прося его навести справки о Карстейрсе. На это потребовалось много времени. Когда наконец они были собраны... они оказались малоутешительными. Оказалось, что прошлой зимой родственники окончательно отrekliсь от него. Тогда его кредиторы дали ему сорок восемь часов, чтобы расплатиться с долгами. Это означало Маршалси. В тот же день он сделал предложение моей матери. У нее были кое-какие собственные деньги – немного, но достаточно, чтобы на время выручить его. Мистер Уинтроп написал, что он узнал о случившемся, только когда они пришли в его контору с брачным свидетельством и потребовали еще денег. Видимо, они оба полагали, что мама может продать часть имущества Риверсов. Когда он объяснил, что согласно условиям завещания ничто, кроме коллекции редкостей, собранной моим дедом, не может быть отчуждено, она впала в истерику, а Карстейрс разразился бранью. Он жаловался, что его «обманом женили на старухе». Мистер Уинтроп не стал сообщать мне остальные его выражения. В конце концов он предложил им оставить его контору. Позже моя мать пришла к нему одна, чтобы извиниться. Она горько плакала. Я написал леди Мерием – она моя крестная – и попросил ее приглядеть за девочками.

«Вот отчего вспомнили обо мне», – подумал Генри.

– Потом я получил еще несколько писем – положение было тревожным. А потом несколько строчек от Беатрисы, которая писала, что боится за Элси, и умоляла меня приехать как можно скорее. Вы бы поняли почему, если бы видели Элси год назад. Когда умер отец, она была милой благовоспитанной девочкой. О себе Беатриса ничего не писала, но нетрудно было догадаться, что она очень несчастна. Затем от матери пришло радостное письмо с сообщением, что Би выходит замуж за джентльмена, с которым она знакома меньше двух недель. Сначала я решил, что вы – один из знакомых Карстейрса. Как бы вы поступили на моем месте?

– Сбежал бы, – сказал Генри, – если бы не удалось получить отпуск.

– Вот именно. К счастью, посол дал мне отпуск по семейным обстоятельствам и письма к влиятельным лицам в Париже и Лондоне – на случай если придется применить крутые меры.

– Вы не теряли времени.

– У меня его просто не было; я не знал, что с Беатрисой. Вы можете себе представить, какое облегчение я почувствовал, когда моя крестная сказала мне вчера, что это она познакомила вас с Беатрисой.

– Вы виделись с ней?

– Да, и с мистером Уинтропом тоже. Она сказала мне, что ее сестра знает вас с детства и очень высокого мнения о вас.

– Я учился вместе с младшими Денверсами.

– Да, она упомянула об этом. Так вот, хотите вы помочь мне? Я... не думаю, что для моей матери можно что-нибудь сделать, по крайней мере сейчас. Я говорил с ней... Подробности, вероятно, вам не нужны. Она... не хочет расстаться с ним, а он не уйдет, пока у нее есть хоть какие-нибудь деньги.

– А припугнуть его нельзя?

– Я сделал, что мог; в дела девочек он вмешиваться не будет. Нам нужно удалить их из этого дома прежде, чем я уеду. Взяв специальное разрешение, вы сможете увезти Беатрису тогда же, когда я заберу Элси. Вы согласны?

– Да.

– Ну так давайте завтра же поедem в Лондон и все устроим. Спасибо, Телфорд.

Они обменялись рукопожатием и повернули к дому.

– Еще одно, – сказал Уолтер, останавливаясь под фонарем на крыльце. – Сестра говорила, что боится, не занимали ли у вас... Пожалуйста, не давайте больше. Моя мать, конечно, не хочет вас обманывать, но... – Он мучительно покраснел.

– Не беспокойтесь, – сказал Генри, – я одолжил не больше, чем могу позволить себе потерять, и не ей, а Карстейрсу.

– Беатриса очень расстроена. Она надеется, что вы позволите мне возратить вам этот долг.

– Нет, нет. Пусть она считает, что это плата за мой стол и постель.

Они вошли в дом. Карстейрс, угрюмо хмурясь, читал вслух длинный список, ставя кое-где галочки, а его жена, нервно посмеиваясь, вставляла замечания. Беатриса, которая сидела, разглядывая свои стиснутые на коленях руки, не подняла глаз, когда вошли молодые люди. Они сели и стали слушать.

– Минуточку, Уолтер, – сказала миссис Карстейрс. – Мы просматриваем список редкостей и безделушек, чтобы решить, какие из них мои и какие она возьмет с собой. Две китайские статуэтки из слоновой кости. Беатриса, ты помнишь? Мне кажется, они мои, не так ли?

– Хорошо, мама.

– Что дальше, Джек?

– Большая нефритовая чаша.

– Ах да. Она тоже из Китая.

– Конечно, возьмите ее, мама.

Перечисление продолжалось: золото, горный хрусталь, слоновая кость, малахит, бериллы, статуэтки, мозаика, вышивки... В свое время редкостей, по-видимому, было немало, но в доме Генри их почти не видел. Скорее всего большая часть коллекции существовала теперь только на бумаге; половина предметов уже давно отправилась к аукционистам и ростовщикам, остальным в ближайшем будущем предстоял тот же путь. Судя по всему, Беатриса принесет ему в приданое только то, что будет на ней. Впрочем, какое это имеет значение? Он подарит ей новые безделушки. Уолтер не отрываясь глядел в пол. Его уши горели.

– С этим все, – сказал Карстейрс. – Теперь картины. «Портрет высокородной Доры Понсефут». Эта, конечно, останется здесь.

Вслед за миссис Карстейрс Генри посмотрел на портрет в золоченой раме – она в восемнадцать лет. Кроме этой, в комнате была еще только одна картина, хотя грязноватое пятно на стене показывало, что не так давно здесь висела третья.

Белый муслин, голубые ленты, ребячливая улыбка; а вот и обручальное кольцо с сапфиром, которого больше нет на ее руке. Право, можно простить ее тщеславные воспоминания о былой красоте – она, кажется, была на редкость хорошенькой. Но все равно он рад, что Беатриса не унаследовала эту бело-розовую прелесть, – она плохо сохраняется.

– «Портрет маркизы де Файо» кисти Лели. Он, разумеется, тоже остается.

– Разумеется, – сказала Беатриса.

Портрет со знаменитой подписью висел на противоположной стене. Когда Генри впервые вошел в эту комнату, он сразу же обратил на него внимание и с тех пор часто пытался понять, почему он напоминает ему Беатрису, хотя сходства никакого нет. На нем была изображена женщина, скорее всего иностранка, с большими темными глазами. Она была пышно одета; в пудренных волосах сверкали драгоценные камни; в белой руке она держала розу. Да, руки похожи – такие же изящные, и в то же время сильные и ловкие; но лицо совсем другое. У Беатрисы, слава богу, нет и следа этой пугающей, властной красоты, этого эффектного контраста угольно-черных ресниц и алебастровой кожи. Ее краски скромны, как у мышки. Кроме того, овал лица на портрете совсем другой, глаза посажены ближе, и рот тоже непохож. И все-таки... эта улыбка в лесу...

– Кто это? – шепотом спросил он Уолтера.

– Бабушка моего отца, француженка... ужасная женщина. Портрет был написан вскоре после ее приезда в Англию, до того, как мой прадед на ней женился.

Генри передернуло. Француженка! Неудивительно, что она с первого взгляда внушила ему отвращение, несмотря на все ее прелести. Нет, сходства нет ни малейшего. И если приглядеться, то видно, что она вовсе и не красавица. Но все-таки в ней что-то есть... Когда он снова взглянул на портрет очаровательной, как дрезденская фарфоровая пастушка, мисс Понсефоут, даже его неискушенному взгляду стало ясно, насколько она проигрывает при сравнении.

– Вот и все, если не ошибаюсь, – с облегчением сказала миссис Карстейрс. – Может быть, тебе хочется взять что-нибудь на память, дорогая моя?..

– Нет, спасибо, мама.

Миссис Карстейрс начала складывать список.

– Дора, – сказал ее муж.

Она бросила на него быстрый взгляд и провела платком по губам.

– Да... еще одно. Ты помнишь миниатюру твоего отца в золотом медальоне с бриллиантом? Я... мне кажется, что она у тебя. Я об этом не заговаривала, пока ты жила здесь, но теперь, я думаю, тебе следует вернуть ее мне.

– Она не может этого сделать, – сказал Уолтер. – Медальон в Лиссабоне. – Он по-прежнему глядел в пол.

– Ах, вот как? Я... я не знала.

– Отец подарил миниатюру ему, – сказала Беатриса. – Я выбрала портрет углем. Это было, когда он умирал. Он хотел, чтобы эти два портрета были у нас. Я думала, что вы об этом знаете.

– Нет, я не знала... Конечно, Уолтер, если ты убежден, что отец действительно подарил его тебе...

– Не понимаю, как это может быть, – сказал Карстейрс. – Насколько мне известно, медальон принадлежал тебе, Дора.

Она облизала пересохшие губы.

– Ну... да, мне казалось... Но это было так давно. Я... Я точно помню, как выбирала этот бриллиант.

Уолтер поднял голову и посмотрел на мать. Когда он заговорил, голос его был холоден и негромок, как у его сестры:

– Если вы хотите получить бриллиант, мама, я с удовольствием прикажу вынуть его для вас из оправы. Но, с вашего разрешения, я хотел бы сохранить миниатюру. Она не имеет никакой ценности.

Он встал.

– Если вы извините меня, я пойду спать; мне предстоит трудный день. Доброй ночи. До завтра, Телфорд.

Так, значит, у этого юноши есть характер. У Генри мелькнула мысль, что ему, возможно, еще доведется увидеть в таком гневе и Беатрису. И какая сдержанность, – что было еще страшнее.

А впрочем, неудивительно: кто угодно вышел бы из себя. Беатриса продолжала молчать. Наверное, она боится новых пререканий из-за золотой цепочки или жемчужной запонки отца – из-за того, к чему бедная одинокая девочка по ночам прижимается щекой.

Глава IV

Следующие пять дней были так заполнены всякими делами, что он совсем не видел Беатрисы. Она занималась своим приданым, которое спешно шилось к свадьбе, а он с утра до ночи либо бегал по городу, либо торопливо писал необходимые письма. Нотариус, банкир, портной, священник, сапожник, ювелир; распоряжения экономке в Бартон и письма знакомым; хлопоты о специальном разрешении и подготовка к свадебному путешествию – все это нагромождалось одно на другое, приводя его в полную растерянность. Если бы не деятельная помощь всегда спокойного, уравновешенного Уолтера, он не успел бы закончить все вовремя.

Когда Генри спросил его совета, что подарить невесте, Уолтер смешался.

– Генри, – сказал он. – Беатриса поручила мне поговорить с вами. Она просит вас как об одолжении – обойтись совсем без подарка. Он необязателен, а ей это было бы тяжело... и мне тоже.

– Как вам угодно, – ответил Генри.

Он не мог решить, объяснялась ли эта щепетильность безобразной сценой из-за бриллианта в медальоне, или бедняжек все еще мучили те пустяковые долги, которые ему так и не вернули. Но как бы то ни было, надо уважать их гордость. Он ушел от ювелира, купив только гладкое венчальное кольцо.

Его будущий шурин – такой скромный и сдержанный – с каждым днем нравился ему все больше, особенно после того, как он своими глазами увидел, с каким уважением и восхищением относятся к этому юноше леди Мерием и почтенный семейный поверенный. Тем не менее он все еще чувствовал некоторую настороженность.

– Откуда у вас взялась бабушка-француженка? – ни с того ни с сего спросил он Уолтера, когда они однажды сидели в лондонской кофейне.

Для него было большим потрясением узнать, что в жилах его возлюбленной течет хотя бы капля презренной французской крови. Он считал Францию страной бесстыдных женщин и безмозглых щеголей в кудрявых париках – безнравственных папистов, которые пожирают лягушек и улиток.

Угрюмое выражение на его лице вызвало у Уолтера улыбку.

– Всего только прабабушка, Генри. Неужели вы не можете простить одной восьмой? Я думаю, что случилась самая обыкновенная вещь: прадедушка Норсфилд влюбился в нее.

Генри незачем было проглатывать свое «вот дурак!», потому что Уолтер, по-видимому, разделял его мнение.

– При дворе Карла Второго она славилась умом и красотой и, без сомнения, очаровала беднягу. Потом у него были все основания пожалеть об этом. Кончилось тем, что он спился. Она была жестокой женщиной.

– Это сразу видно, – сказал Генри, – да и распутницей к тому же.

– Судя по всему, да. Впрочем, быть может, она не так уж в этом виновата.

От такой преступной снисходительности все твердые нравственные принципы Генри встали дыбом.

– Плохая жена – и не так уж виновата? Я вас не понимаю.

– Сперва был плохой муж. О ее юности мне почти ничего не известно, но я слышал, что в пятнадцать лет она была взята из монастыря и стала третьей женой развратника, который был втрое старше ее. Чего же можно было ждать после этого? Ей не исполнилось еще и восемнадцати, когда он дрался из-за нее на дуэли и был убит.

– И тогда она вышла замуж за вашего прадеда?

– Нет, гораздо позже – лет через двенадцать. Прежде чем стать леди Норсфилд, она была причиной множества дуэлей почти при все дворах Европы, и говорят, что одно время она счи-

талась счастливой соперницей прекрасной Авроры фон Кенигсмарк. Потом она принялась за политические интриги сомнительного сорта и была связана с иезуитами и якобитами, которых, как подозревают, затем предала из корыстных побуждений. Насколько можно судить, она презирала своего мужа и ненавидела свою единственную дочь. Бедняжка заикалась, а мать издевалась над ее недостатком в присутствии посторонних. После смерти второго мужа она переехала в Лондон и предалась азартным играм, а ее дочь осталась в деревне и жила в такой нищете, что стыдилась показываться на людях. В конце концов дедушка Риверс пожалел ее и женился на ней.

– Гм, – сказал Генри, – хорошенькая история, нечего сказать!

– Да. Боюсь, что эта часть семейной хроники не делает большой чести нашему роду. Но следующее поколение жило иначе. Родители моего отца были образцовой любящей парой, и он всегда благоговейно чтил их память, особенно память матери. Она, кажется, была необыкновенно милым, но, к сожалению, больным человеком. Спасение пришло слишком поздно. Она умерла, когда моему отцу было тридцать лет, и все его детство и юность были омрачены припадками меланхолии, которыми она страдала. Ей казалось, что ее мать стоит у нее за спиной и нашептывает, чтобы она повесилась. Однажды, когда он был еще мальчиком, к ним неожиданно приехала его бабушка, и он говорил мне, что никогда не мог забыть выражения лица матери в ту минуту. Об этом портрете сложилась своего рода семейная легенда. Когда Беатриса была маленькой, он иногда ей снился и она просыпалась в испуге. Я помню, как она расплакалась, когда кто-то сказал, что она унаследовала знаменитые руки. По-моему, сходство этим и ограничивается, да еще, может быть, в посадке головы у них есть что-то общее. Элси совсем непохожа на леди Норсфилд, она вся в маму.

«Ничего, – подумал Генри, немного утешенный, – в четвертом поколении это еще терпимо». Наверное, в каждой семье есть своя паршивая овца. Если уж на то пошло, заключил он, ему тоже не приходится особенно гордиться дедушкой Телфордом.

В среду вся семья приехала в Лондон и остановилась в гостинице. Венчание было назначено на следующее утро. Приглашены были только леди Мерием, гувернантка и один из лондонских кузенов Генри. После семейного завтрака новобрачные уезжали в Брайтхелмстон, а Уолтер и Элси – в Париж.

Генри зашел вечером в гостиницу, чтобы договориться о последних мелочах. Ему показалось, что Беатриса бледнее и молчаливее обычного, но он решил, что это вполне естественно, – она, вероятно, очень устала.

– Мне хотелось бы поговорить с вами наедине, – сказал он ей перед уходом.

Она провела его в соседнюю комнату.

– Что-нибудь случилось, Генри?

– Ничего, любимая. Просто я без ума от тебя. Жена моя...

Он неожиданно крепко обнял ее и впервые поцеловал в губы, затем отшатнулся и растерянно посмотрел на нее. Она не сопротивлялась его объятьям, но он снова увидел на ее лице выражение, которое так испугало его тогда в лесу.

– Беатриса! – с трудом выговорил он. – Что я сделал? Почему вы так боитесь меня?

– Нет, ничего... Я... Пожалуйста, не надо... завтра... Я устала. Спокойной ночи.

Она ушла.

Он вернулся к себе; никогда еще за все время своего странного жениховства он не испытывал такой тревоги. Леди Мерием легко говорить! Нет, это не просто сдержанность или девичье смущение, – это был ужас, черный, ничем не прикрытый ужас, словно он какое-то чудовище. Неужели простая мысль о браке может так подействовать на девушку? Ведь все женятся! Мужчиной и женщиной сотворил их...

Лучше не ломать над этим голову. Надо ложиться спать, иначе завтра он будет бог знает в каком состоянии.

Глубокой ночью его разбудил звук собственного голоса: «Что они скрывают?» Он сел на постели, и по коже у него пробежали мурашки, когда ответ вдруг вспыхнул в его мозгу. Да, ей есть чего бояться.

Рогоносец! Так вот почему ее братец примчался из Португалии и под благовидным предлогом настоял на немедленной свадьбе. Все читанные или слышанные им истории о пойманных в ловушку ничего не подозревающих молодых мужьях, получающих в придачу к жене чужого ребенка, вихрем пронесли у него в голове.

Он соскочил с кровати и дрожащими руками нащупал огниво. Который час? Только начало четвертого. У него еще много времени.

Он зажег свечу и начал одеваться. До рассвета далеко; он прикажет своему слуге оседлать лошадь, оставит деньги для хозяев вместе с распоряжением переслать его вещи в Бартон и уедет из Лондона, прежде чем его хватятся. Куда? Не важно. Важно уехать, и как можно скорее.

Не кончив одеваться, он присел к столу и начал писать к ней:

«Я любил вас и верил вам. Я думал, что чище, непорочнее вас нет...»

Генри разрыдался. Он не мог продолжать это письмо.

Он разорвал его и начал другое – к Уолтеру:

«Ваш план был задуман хитро, но все-таки вы просчитались. Если бы я не заметил, что ваша сестра боится смотреть мне в глаза, я попался бы в вашу ловушку...»

Он разорвал и это письмо. Он уедет; просто уедет. И пусть они сами догадываются – почему.

Но ведь так нельзя! Нельзя без всяких объяснений бросить невесту у алтаря. Так не делают! Как же ему поступить? Написать мистеру Уинтропу? Священнику? Поехать в церковь и там публично отказаться от нее? Нет, он не в силах встретиться с ней еще раз.

А не ошибается ли он? Что, если она ни в чем не повинна? Ему придется застрелиться. Нанеся такое оскорбление своей невесте, человек не имеет права жить. Не ошибся ли он? Может быть, это только плод его воображения?

Он начинал письмо за письмом, но, так и не дописав ни одного из них, опустил гудящую, уже ничего не соображающую голову на руки...

В дверь стучал его слуга.

– Девятый час, сэр, и вас спрашивает джентльмен – мистер Роберт Телфорд.

Генри растерянно поднял голову. Что случилось? Почему он спит, сидя за столом? Ему что-нибудь привиделось?

Тут он заметил догоревшую свечу и неоконченные письма. Нет, он просто сошел с ума.

Он быстро сгреб исписанные клочки, бросил их в камин и зажег. Какие бредовые мысли приходят человеку в голову ночью!

Теперь ему было вообще не до мыслей. Сегодня его свадьба, а он проспал. Надо торопиться, чтобы не опоздать в церковь. Он приказал передать кузену свои извинения и просьбу садиться завтракать без него, а сам с лихорадочной быстротой принялся одеваться.

Совсем растерявшийся жених, в сбившемся на сторону жабо, проглотил полчашки остывшего шоколада и влез в карету, где его уже ждал полурассерженный, полусмеющийся кузен, которому предстояло быть его шафером. Затем он судорожно схватился за карман, насмерть перепугавшись при мысли, что позабыл кольцо. Всю дорогу он думал только об одном – не опоздают ли они. И как это он не приказал Джерри разбудить его! Но ведь он рассчитывал проснуться рано, дома зря всегда заставляла его уже на ногах.

Стоя на коленях перед алтарем, он задумался было над тем, действительно ли у него был бред, но вскоре его внимание поглотил более существенный вопрос – что отвечать священнику дальше?

Он кое-как выдержал и всю церемонию, и унылый свадебный завтрак. Потом последовали поцелуи, рукопожатия, чаевые слугам. Наконец карета тронулась, и он остался наедине с Беатрисой. Слава богу, он, наверное, никогда больше не увидит супругов Карстейрс. Все это миновало, как дурной сон.

И тут он вспомнил другой дурной сон.

Он посмотрел на свою жену. Она сидела в углу выпрямившись, глядя перед собой неподвижным взглядом. Словно кролик, на которого натравили хорька...

Но все-таки – был ли это сон?

Во время пути он несколько раз пытался завязать разговор, но безуспешно. Затем Брайтхелмстон и темные волны, вздымающиеся за домами, затем – ужин...

– Может быть, пройдемся по берегу? – спросил он.

– Хорошо.

Они ходили по набережной взад и вперед, взад и вперед. Генри стал было что-то рассказывать, но тут они прошли под фонарем, и он, похолодев, умолк, когда увидел лицо девушки, на которой женился. Да, именно такое лицо может быть у женщины, готовящейся принести в честную постель мужа вместе с собой чужого ребенка. С каждой минутой сердце его сжималось все сильнее. Ведь он видел ловушку – видел, закрыл глаза и вошел в нее.

Еще час, и он узнает все. Если это окажется правдой – убьет ли он ее? Нет, что бы она ни сделала, у него не поднимется на нее рука. Но он прогонит ее, отошлет назад к ворами и шлюхам, туда, где ее настоящее место. Он не позволит, чтобы Бартон – его Бартон, его бесценный кусок английской земли – перешел к ублюдку какого-то подлого соблазнителя.

Невыносимо!

– Пойдем, Беатриса.

Собственный голос показался ему злым и грубым.

– Генри... мне хотелось бы дойти до конца пристани. Можно?

Да, она старается оттянуть время. Пусть так, он не будет ее торопить.

– Ладно.

Они дошли до конца пристани. Там никого не было, хотя фонари еще горели. Она оперлась о тумбу и устремила взгляд вниз на колышущуюся воду. Был полный прилив. Генри смотрел на нее, и кровь шумела у него в ушах. Впервые он по-настоящему понял, как сильно ее любит.

– Ну, пойдем же, – снова сказал он.

Она повернулась к нему.

– Если можно, оставьте меня на десять минут. Мне хотелось бы немножко побыть совсем одной.

Он поглядел на часы и зашагал назад, чувствуя, что больше не в силах сдерживаться. Теперь он уже почти не сомневался. Через десять минут он вернется. И тогда, если она еще что-нибудь придумает, он, пожалуй, свернет ей шею.

Но ведь она может броситься в море! Он кинулся обратно, остановился, и горячие слезы обожгли его веки. Разве это не лучший выход для бедной девочки? Затем он увидел, как она быстро шагнула к воде, снова побежал – и снова остановился. Она не собиралась бросаться в море; она опять отошла к тумбе и по-прежнему смотрела на воду.

Она не бросилась в море. Она только вынула из-за корсажа нож и уронила его в воду. Это был небольшой нож, но очень острый, с узким отточенным лезвием.

Больше он ей не понадобится. Теперь Генри, наверно, будет защищать ее от всех самцов, кроме самого себя; в обмен на эту защиту она и продала ему свое тело. Теперь она должна

выполнить условия сделки. Ее физическая девственность, если это то, что ему нужно, принадлежит ему, раз он ее купил. А для нее она утратила всякую святость, всякий смысл. Она стала товаром.

Только один-единственный принцип, дающий право на самоуважение, уцелел после крушения ее юности: честные люди платят свои долги, не увильная и не хныча.

Генри, бледный и суровый, подошел к ней.

– Теперь ты готова, Беатриса?

Она медленно повернулась и подняла на него серьезный, внимательный взгляд.

– Да, Генри, я готова.

Глава V

Исполненный глубочайшего смирения и раскаяния, новобрачный медленно спускался по лестнице.

Час тому назад его разбудил скрип открывающейся двери, и он увидел, как его молодая жена тихонько выходит из комнаты. Такой жгучий стыд он испытал только один раз в жизни, когда его наказали в воскресной школе и он в слезах прибежал домой.

Что на него нашло? Откуда взялись эти чудовищные подозрения? Как он мог подозревать девушку, чистую, как снежинка? Но еще ужаснее этих подозрений было то, чего он чуть-чуть не сделал. «Уолтер убил бы меня, – твердил он себе, – и был бы прав; я бы и сам схватился за пистолет, если бы у меня была сестра и кто-нибудь так оскорбил ее».

Какое счастье, что он заснул над этими гнусными письмами! И благодарение Богу, он ничем не выдал себя на пристани прошлым вечером. Никто ничего не узнает. Ни она, ни другие не догадаются о его отвратительных мыслях, а он посвятит всю жизнь тому, чтобы искупить свою вину перед ней. Лучшего мужа не сможет пожелать ни одна женщина.

Она была на берегу и следила за чайками тем серьезным непроницаемым взглядом, который так не вязался с ее девятнадцатью годами.

– Ты пойдешь завтракать? – вот все, что он нашелся сказать.

Не прошло и недели, а многое уже изгладилось из его памяти. Он еще смущался и у него начинали гореть уши, если что-нибудь вдруг напоминало ему о его глупых подозрениях, но он был не из тех, кто способен долго укорять себя за прошлые ошибки. В конце концов он, наверное, не единственный жених, который накануне свадьбы вел себя глупо, – эти приготовления хоть кого выбьют из колеи. И во всяком случае все сошло благополучно: он женат, у него чудесная жена, и он очень счастлив с ней – вернее, скоро будет счастлив. Если бы только она не была такой покорной ледышкой... Надо дать ей время, она, возможно, тоже выбита из колеи. Кто-то говорил ему, что, если новобрачная очень молода и невинна, медовый месяц часто приносит некоторое разочарование. В Бартоне она станет такой же, как все.

Потом пошли дожди и принесли с собой скуку. Дома дождь ему не мешал; в любую погоду он бодро объезжал поместье, отдавая распоряжения, или, усевшись со своими собаками у пылающего камина, листал любимую книгу своего отца «Досуг джентльмена», или проверял счета, или разговаривал о политике, охоте и видах на урожай с кем-нибудь из соседей-сквайров, или приглашал приходского священника сыграть робберок-другой. Но чем заняться в незнакомом месте, где не с кем даже поговорить, кроме женщины, которая целыми днями читает книги на чужих языках? Когда он отрывал ее от этого занятия, она отвечала ему ласково, но разговор не завязывался, и она снова возвращалась к своим французам или итальянцам.

Через две недели он спросил ее, очень ли она огорчится, если они поторопятся с отъездом. Им надо еще остановиться в Винчестере, чтобы осмотреть собор, а в Бартоне накопилось множество дел. Кроме того, может быть, ей хочется поскорее увидеть свой новый дом?

– Да, конечно, очень. Поедем завтра?

Она начала укладывать вещи; он вынимал из шкафов и передавал ей одежду, которую она аккуратно складывала. На пол упал небольшой томик. Генри поднял его и рассмеялся.

– Латынь! Милая моя девочка, неужели ты еще думаешь об уроках? Не очень подходящее чтение для медового месяца.

Она замерла; в ее неподвижности была смутная угроза, и ему стало немного не по себе. Тут он вспомнил о покойном ученом и ласково обнял ее за плечи.

– Прости, любимая; я забыл, что ты читала римских авторов своему отцу. Конечно, они тебе дороги как память о нем.

– Это были другие авторы, Генри. Я привезла книги, которые никогда не читала ему. Очень интересные – и подходящие.

Он взглянул на открытую страницу. Хотя в детстве он потратил много времени на изучение латыни, теперь он помнил только ежедневную зубрежку и довольно частые наказания. Отдельные слова были знакомы, но сочетания их ничего ему не говорили. Он посмотрел на титульный лист: T. Petronii Arbitri, «Satyricon»². Какая-нибудь глупая сказка о сатирах – козлоногих существах, которые играют на свирелях, если он чего-нибудь не спутал. Что же, жаловаться он не имеет права. Его предупреждали, что она немного синий чулок. Но по крайней мере у нее хороший характер – не всякая жена стала бы так легко и просто подчиняться всем его желаниям. И все-таки – странный выбор чтения для новобрачной.

Она сунула томик Петрония к другим: «Путешествия Гулливера», «Pantagruel», «П Decamerone»³, Ювенал. Все они были взяты из одного и того же книжного шкафа ее отца, – того, который он всегда держал закрытым. На мгновение сардоническая усмешка искривила красивую линию ее губ. Той Беатрисе, которую знал ее отец, подумала она, и в голову не пришло бы брать книги, которые он не считал для нее полезными. Но с этой сентиментальной дурочкой давно покончено.

После сцены в конторе мистера Уинтропа Карстейрс и его жена в течение первых трех месяцев своего брака то осыпали друг друга упреками, то нежно ворковали.

Карстейрс на время спасся от долговой тюрьмы, однако ценой не менее тяжелого лишения свободы. Он был обречен на жизнь вдали от Лондона и игорных домов, в скучном деревенском доме, где все его общество составляли ревнивая жена, которая годилась ему в матери, и две падчерицы, совсем еще девчонки. Даже здесь кредиторы не оставляли его в покое, и редкости из быстро уменьшавшейся коллекции распродавались только для того, чтобы как-то удовлетворить их требования.

В начале марта он с большим трудом вырвал у жены разрешение заложить ее кольцо с сапфиром. Камень был прекрасный; он собирался продать его, сказать жене, что заложил кольцо за половину полученных денег, а разницу прикарманить и с помощью этой, по его расчетам, значительной суммы хоть немного отвести душу подальше от Кейтерема. Он подыщет благовидный предлог, чтобы остаться в Лондоне на пару ночей, и с пятьюдесятью гинеями, о которых его жена ничего не будет знать, сможет на свободе еще раз попытать счастья за карточным столом. А затем выяснилось, что она собирается сопровождать его к ростовщику и на других условиях отказывается расстаться с кольцом.

Почти целую неделю он откладывал эту поездку, ссылаясь то на одно, то на другое. Наконец он согласился, что им следует принять приглашение лондонских друзей, устраивавших карточный вечер, переночевать в городе и утром заложить кольцо. Как только письмо с их согласием было отослано, он начал жаловаться на зубную боль. Когда наступил назначенный день, он настоял, чтобы она ехала без него.

В этот вечер Беатриса в своей комнате в самом конце коридора долго сидела над неоконченной работой отца. Еще и года не прошло с тех пор, как его долгая болезнь завершилась роковым припадком; но ей казалось, что он в своем собственном доме забыт так прочно, словно умер столетие назад. Было уже далеко за полночь, когда, наплакавшись, она наконец уснула.

Проснувшись она от мучительного удушья: муж ее матери одной рукой сжимал ей горло, а другой пытался засунуть ей в рот кляп.

² Т. Петроний Арбитр, «Сатириконт» (лат.).

³ «Пантагрюэль» (фр.), «Декамерон» (ит.).

Ему давно уже надоели податливые женщины, а за последнее время более чем надоела стареющая и ненасытная жена. Сопротивляющаяся девственница могла приятно пощекотать его до тошноты пресыщенные чувства.

Сопротивляющаяся – да; но к тому же насмерть перепуганная и беспомощная, а не отбивающаяся, как дикая кошка. Девушка защищалась так яростно, что он растерялся. Его уверенность в успехе была столь велика, что даже о кляпе он подумал только в последнюю минуту, испугавшись, как бы острый слух Элси, которая спала через три комнаты от спальни сестры, не уловил случайно какого-нибудь крика. Все должно было пройти гладко: неожиданно разбуженная, она испугается, а он слегка придушит ее и вывернет ей руку приемом, которому научился еще в школе. Очень действенный прием – к нему редко приходилось прибегать дважды, и среди его младших товарищей не было ни одного, который не смирился бы после двух раз. Девчонка сдастся на первой минуте, а потом страх и стыд превратят ее в его покорную рабыню.

Собственно говоря, его соблазняла сама победа, а не эта бледная немочь. А главное, она была желанна ему как сладкая тайная месть ненавистной женщине, которая связала его по рукам и ногам. Ее родная дочь!

Правда, Элси была красивей сестры, но слишком похожа на мать и поэтому совсем его не привлекала. Кроме того, слишком рискованно связываться с такой глупой девчонкой. Того и гляди устроит истерику и все выболтает. Безопаснее будет заняться синим чулком: она поймет, что следует держать язык за зубами. И заодно будет приятно отплатить маленькой ханже за то, что ее передергивает, стоит ему оказаться в трех шагах от нее. Он ей покажет, как напускать на себя чистоту и невинность, черт побери! А когда он ее обломает, она будет ему очень полезна. Позже, когда она будет ходить по струнке, ему, пожалуй, удастся заставить ее выманить у своего брата разрешение заложить дом. А уж тогда – ищи ветра в поле.

Она долго отбивалась и наконец глубоко вонзила ноготь в его правый глаз. Он взвыл и выскочил из комнаты, а она, с трудом освободившись от кляпа, успела только запереть дверь, прежде чем все кругом провалилось в черноту.

Когда на следующий день миссис Карстейрс вернулась домой, у дверей ее встретили сообщением: «С хозяином случилась беда, сударыня; доктор только что ушел. А у мисс Беатрисы разболелось горло, и она слегла». Ее муж стонал и ругался, лицо его было исцарапано, а правый глаз закрывала наложенная доктором повязка. Истории о том, как бешеная кошка прыгнула на него в конюшне, она не поверила, но заподозрила только, что какой-нибудь разгневанный фермер – отец или брат – наконец отделал его по заслугам.

Доктор, хотя профессиональная этика не позволяла ему высказать это вслух, настолько явно разделял ее недоверие, что негодование миссис Карстейрс перешло все границы. До ушей Беатрисы донеслись обрывки злобной перебранки на лестнице.

– И ты хочешь, чтобы я поверила этой чепухе? – кричал визгливый голос. – Я думала, что у тебя хватит ума, чтобы...

– Сколько раз мне повторять, Дора, что эта кошка вцепилась мне в глаза и я не успел... Беатриса сунула голову под подушку и больше ничего не слышала.

Через двадцать минут раздраженная миссис Карстейрс вошла в комнату со спущенными гардинами, чтобы нетерпеливо и рассеянно осведомиться о здоровье дочери, которую всегда недолюбливала.

Почему она не попросила доктора осмотреть ее горло, пока он был здесь? Теперь он уже ушел.

Беатриса, которая лежала, натянув одеяло до подбородка и закрыв мокрым носовым платком большой синяк на лбу, сдавленным шепотом ответила, что доктор ей не нужен, что она скоро поправится.

– Ты что, простудилась? Грудь у тебя болит? Только горло? Может быть, дать тебе молока? Или приложить горячий кирпич к ногам?

– Ничего не надо; только покой. У меня болит голова.

– Ну, так не ворочайся и постарайся заснуть. Я распоряжусь, чтобы тебе потом принесли чай и гренки.

Царапина на глазу опасно воспалилась, и почти три недели миссис Карстейрс было некогда думать о чем-либо, кроме собственных неприятностей. Непрерывные стоны и брань мужа доводили ее до истерики, а неуклюжая ложь, которую она слышала в ответ на свои расспросы, разжигала ее ревнивую ярость. В конце концов, измученная бессонными ночами, напуганная безобразной опухолью, закрывавшей его глаз, она прониклась глубокой жалостью к себе.

Неужели она погубила свою репутацию и оттолкнула друзей только ради этого? А если воспаление перейдет на другой глаз и Карстейрс совсем ослепнет? Так, значит, она принесла такие жертвы, терпела измены, пренебрежение, оскорбления в собственном доме только для того, чтобы опять оказаться осужденной на безрадостную жизнь жены слепого?

Прежде чем доктору удалось убедить ее, что Карстейрсу не угрожают ни слепота, ни уродливые шрамы, она успела совсем забыть, что бессердечной девчонке взбрело в голову в эти страшные дни простудиться и слечь в постель.

Пока с ее горла и лба не сошли синяки, Беатриса старалась никому не попадаться на глаза. Едва оправившись, она стала целые дни проводить в библиотеке, куда теперь никто не ходил, и попросила, чтобы еду ей подавали туда. Первую неделю она кутала горло и голову в шаль, пила горячее молоко с вином и чай из черной смородины, чтобы вылечить несуществующую простуду, и дрожала, услышав за дверью шаги Карстейрса. Она не знала, что ей больше ничего не грозит: он боялся ее едва ли меньше, чем она его. Он получил хороший урок, а кроме того, не знал, что она собирается предпринять дальше.

Жертву насилия запугать было бы нетрудно, но можно ли надеяться, что девушка, сумевшая защитить себя от такого решительного и тщательно продуманного нападения, никому ничего не скажет? Что она написала брату? И в каком настроении этот молодой человек того и гляди явится сюда из Португалии? Лучше всего отделаться от нее: выдать замуж за кого придется – и поскорее.

Его жена, хотя она даже не подозревала о происшедшем, тоже – и еще больше, чем раньше, – жаждала избавиться от своей старшей дочери. Дора отчаянно цеплялась за остатки былой красоты и давно уже чувствовала, как безнадежно она проигрывает в сравнении с юностью, бессознательно бросающей ей вызов. По ее мнению, смерть мужа в самом начале предыдущего лондонского сезона была лишним незаслуженно жестоким ударом судьбы: если бы противная девчонка начала выезжать на год раньше, выдать ее замуж было бы гораздо легче, – за это время перед ними закрылись двери многих нужных домов. К счастью, хотя леди Мерием упорно отказывалась бывать в их доме с тех пор, как его хозяином стал Карстейрс, она сохранила достаточно уважения к памяти своего покойного друга, чтобы по-прежнему оказывать покровительство его дочери и ради нее даже принимать ее отчима. Но и она достаточно ясно дала понять, что ее снисходительность имеет границы.

Нельзя было терять ни минуты, или для Беатрисы никогда уже не удастся подыскать подходящего мужа. Наступающий сезон был последней надеждой, и одеть ее нужно было прилично, как бы ни страдала ее бедная мать, бегая повсюду в поисках кредита. А она? Сидит себе одна в библиотеке и дуется, проявляя полную бесчувственность и к бедам, обрушившимся на их дом, и к прелестным платьям, стоившим стольких хлопот и унижений. Дни идут, а она даже палец о палец не ударит: читает с утра до ночи, откладывает поездки к портнихам и модисткам под вечным предлогом головной боли и упрямо не желает показаться доктору. Будь это другая девушка, можно было бы подумать, что ей есть что скрывать, но у Беатрисы просто скверный

характер. С ней всегда было трудно ладить. Вдруг возьмет и посмотрит на тебя так, словно ты последняя тварь. А ночь, когда умирал ее отец...

Миссис Карстейрс поспешила отмахнуться от невыносимого воспоминания о том, как собственная дочь не пустила ее в комнату отца и яростно прошептала: «Уйдите! Оставьте его Уолтеру и мне. Что вам до него?» Она захлопнула дверь перед родной матерью!

Мисс Смизерс все время жалуется, что Элси эгоистична и дерзка. Конечно, у Элси, как у всякого ребенка, есть свои недостатки, но, слава богу, на Беатрису она не похожа.

Тем временем Беатриса обшарила чулан в поисках подходящего ножа, нашла повод перенести свою кровать в комнату Элси и написала брату, умоляя его приехать домой ради младшей сестры. О себе она ничего не писала: для того, что с ней произошло, слов не было, а все остальное не имело значения.

День за днем она сидела в библиотеке совсем одна, и мысли ее снова и снова возвращались к ужасам той ночи, и каждый раз перед ней вставал вопрос, на который не было ответа: что же дальше?

Самоубийство? Если бы можно было сразу... Отец так страдал, умирая. А кроме того, умереть – значит оставить без всякой защиты Элси – хорошенькую Элси, которой едва успело исполниться шестнадцать лет и которую она обещала оберегать. Но оставаться в этом доме...

Уйти некуда. Ни денег, ни друзей... Правда, есть леди Мерием. Она добра... но глупа. И хуже того – любопытна. Легче умереть, чем рассказать кому-нибудь об этом.

Она попробовала читать. Одну за другой она брала книги, которые чаще других читала отцу и любила ради него – да и ради них самих, – и ставила их обратно.

Пресные, поверхностные, бесполезные. Утонченные девы Горация, Лисид и Титир с их тростниковыми свирелями, Астрофель и Стелла, Окассен и Николет – какая все это чушь, какая чушь.

Но чтобы не сойти с ума, надо читать. Ее взгляд упал на запертый шкаф. Отец доверил ей все свои ключи, но много лет тому назад попросил не читать книг, хранящихся в этом шкафу. «Это знаменитые книги и по-своему очень значительные, но ты их не поймешь, и, кроме того, в них есть много безобразного, вредного для тебя», – сказал он тогда.

Защищать ее от «безобразного»? Что же, если ей известно еще не все безобразие мира, то чем раньше она узнает остальное, тем лучше.

Она открыла дверцу и пробежала взглядом по незнакомым названиям. Одно из них ее удивило.

«Путешествия Гулливера»! Как очутилась здесь эта детская сказочка? Когда она была еще совсем маленькой, отец сажал ее к себе на колени и читал ей смешные истории о лилипутах и бробдингегах. Но здесь есть какое-то продолжение. Что такое Лапута? Она начала читать – сначала рассеянно, но скоро уже горько смеясь над философами и их хлопальщиками. Она тоже спала до тех пор, пока ее как следует не хлопнули. Но теперь она проснулась.

Затем она дошла до йеху, и внутри ее что-то торжественно отозвалось.

Так вот наконец правда, обнаженная, ужасная, омерзительная – но правда. А она-то думала, что познала зло. Неужели все люди такие, как мама?

А она сама – какова она на самом деле? Даже в ее отце когда-то жил йеху, – иначе как можно объяснить ее появление на свет? Йеху призывает йеху – и возник новый йеху. Сколько порочной материнской крови течет в ее жилах?

На что намекали эти женщины в тот день, когда она, проходя мимо окна, слышала, как они издеваются над ревностью мамы?

«Доре долго его не удержать».

«Разве только она докопается до чего-нибудь, за что ссылают в колонии. В таком случае она, конечно, сможет его припугнуть».

Припугнуть?

Она принялась рыться в юридических книгах своего деда. Отчеты об уголовных процессах, в которых она вначале просто ничего не понимала, постепенно становились все яснее. После долгих недель терпеливого труда и обдумывания улик она скроила для своей матери лапутянский костюм – очень логичный, но совсем не по фигуре. Она сделала только одну ошибку, объяснявшуюся отчасти ее молодостью и неопытностью, а отчасти непрерывным анализом тонкостей латинской грамматики, – но ошибку роковую: она приписала бестолковой Доре Карстейрс безжалостную ясность и логичность собственных рассуждений.

Насилие над несовершеннолетней. Да, и особенно если несовершеннолетняя – *virgo intacta*⁴ и падчерица насильника. Кроме того, это было бы сочтено кровосмешением. Если донести на того, кто совершил подобное насилие, его наверняка сошлют в колонии.

– Я думала, что у тебя хватит ума, чтобы...

– Эта кошка вцепилась мне в глаза...

Значит, мама так рассердилась потому, что он потерпел неудачу. Наверное, она нарочно уехала в Лондон, чтобы дать ему возможность воспользоваться удобным случаем, а потом угрожать доносом. Он сразу стал бы ягненком.

Самка йеху устроила западню своему самцу, сделав приманкой собственного детеныша.

Не успел еще сойти последний синяк, как начался лондонский сезон. Дебют Беатрисы в свете был очень неудачным. С нее сняли ее дешевый старенький траур и, облачив в белое одеяние выставленной на продажу девушки из хорошего круга, принялись таскать по балам, но надежда, что кто-нибудь женится на ней прежде, чем все растущая скандальная репутация семейства Карстейрс лишит ее доступа в приличное общество, с каждым днем становилась все меньше.

Она знала, что леди Мерием старается найти ей мужа. Если ей сделают предложение, она должна будет принять его, каков бы ни был жених, должна будет заключить сделку: ее тело – для удовлетворения его похоти, его дом – чтобы укрыть ее и, если возможно, Элси. Брак – это отвратительно; но ведь вся жизнь отвратительна. И кто она такая, чтобы жаловаться на осквернение, когда оскверняется все? Очевидно, тому, кто создал мир, это нравится. Тоже йеху, только побольше.

Но женихи все не являлись. Да и понятно. Она не была ни богата, ни особенно красива, и нашлось бы много девушек не старше и гораздо привлекательнее ее, на которых можно было жениться, не рискуя тем, что тебя заставят платить карточные долги Карстейрса. Люди сторонятся девушек с такой родней.

В последнюю минуту ее познакомили с Генри. Для йеху он был не так уж гнусен. Он не ухмылялся плотоядно, как тот человек, который пытался поцеловать ее в оранжерее леди Мерием, и говорил о коровах и траве, вместо того чтобы рассыпаться в сальных комплиментах.

Потом он вдруг уехал – несомненно, полный отвращения. И неудивительно. Весь вечер мама бушевала, рыдала и бранилась. А потом, на следующее утро, – фигура в синей куртке для верховой езды, прячущаяся за деревом... И вдруг оказалось, что это не новое нападение, а глупый молодой сквайр, который любит коров. Он что-то бормотал, краснея и заикаясь, – делал ей предложение.

Конечно, она должна считать, что ей повезло. Если бы только это не значило, что придется терпеть его прикосновения... Может быть, со временем она привыкнет.

В Уорикшире она будет в безопасности, но за это надо платить. Даром ничего не дается. Зато она больше никогда не увидит ни мамы, ни этого человека.

⁴ Девственница (лат.).

И вот теперь она – замужняя женщина. Как бы то ни было, этот ужасный медовый месяц пришел к концу. В Бартоне у Генри будет о чем думать, кроме нее; будут какие-то передышки. Может быть, наступит день, когда он будет наконец удовлетворен или она надоест ему и он найдет себе других женщин, как это полагается мужчине, а ее оставит в покое.

Хотя, наверное, сначала придется рожать детей. В жизни женщины неподдельны, кажется, только пол и деторождение, все остальное – мишура. И то и другое ужасно, и то и другое неизбежно. Но если другие женщины терпят...

Глава VI

– Вот Бартон, – сказал Генри.

Беатриса выглянула из кареты, и у нее захватило дыхание: какая прелесть!

Он рассказал ей о тех улучшениях, которые сделал его отец, и весь последний час она старалась представить себе, во что бывший ливерпульский торговец и его деньги могли превратить скромный старый дом и сад. Не придется ли ей восхищаться дрянной подделкой под пышную усадьбу Монктонов, мимо которой они только что проехали? Быть может, он скопировал чванных грифонов или чудовищные, подстриженные в виде разных фигур деревья, которые даже в соседстве с величественными зданиями и широкими газонами замка Денверсов едва можно было терпеть?

Он ничего не испортил. Это был просто чудесный фермерский дом – приветливый, милый, мирный, утопающий в зелени фруктовых деревьев и до старинной черепичной крыши увитый гирляндами ползучих роз и жасмина, жимолости и ломоноса.

На мгновение ее глаза затуманились. Отец полюбил бы этот дом. И она тоже полюбила бы его, если бы еще могла что-нибудь любить.

Дом принадлежит Генри. И для нее он может быть только тюрьмой. Ее сердце снова оледенело.

Они вошли в дом. Он что-то говорит. Надо слушать, надо придумать подходящий ответ.

– Любимая, если тебе захочется что-нибудь изменить, только скажи. Здесь все твое.

Все, кроме ее собственного тела. Но ведь он сказал это от чистого сердца. Ей было легко ответить:

– Вряд ли мне захочется что-нибудь менять – во всяком случае, из того, что я уже видела. Здесь все так прекрасно!

Зачем, зачем она это сказала? Ведь нетрудно было догадаться, что снова начнутся поцелуи и объятия.

Беатриса надела свои самые грубые башмаки и накинула на плечи шаль. Генри ждал ее, чтобы показать ей всю усадьбу. Он хотел сделать это в утро их приезда, но она попросила у него разрешения провести первый день в доме. «Я многому должна научиться, – сказала она, – и хочу все делать постепенно».

Вчера она встала рано и целый день изучала дом, разбиралась, как ведется хозяйство, и знакомилась со слугами. После ужина она достала записную книжку с карандашом и тщательно занесла в нее, какое жалованье получают слуги, что и по какой цене надо покупать, какие запасы есть в кладовой, а также все пожелания Генри относительно расходов по дому. Он пришел в восторг от добросовестности, с которой она отнеслась к своим новым обязанностям, но теперь настало время показать ей его сокровища.

Октябрьское утро было великолепно, и когда она увидела изумрудный после долгих дождей выгон, а за ним сад с румяными яблоками, на ее губах появилась улыбка, в которой не было горечи. Впервые она сама повернулась к мужу.

Через выгон и заливные луга они прошли к речке, которая струилась под развесистыми старыми ивами среди густой ежевики и усыпанного багряными ягодами шиповника. От кувшинок остались только листья, но боярышник еще не отцвел, а среди осоки там и сям голубели незабудки.

Назад они пошли через рощицу, чтобы она поглядела гигантские вязы, на которых гнездились хлопотливые грачи. Потом он повел ее на скотный двор, познакомил с управляющим и с улыбающимися работниками и показал ей амбар, конюшни и коровник. Он радовался, видя, что ее любовь к животным не ограничивается породистыми лошадьми и комнатными балов-

нями. Ей, по-видимому, нравились все четвероногие существа, даже Бабуся – огромная старая свинья, которая, похрюкивая, блаженствовала в пролитых помоях, взирая на мир умными глазками, прячущимися за буграми сала.

– Ей, наверное, тяжело таскать на себе столько жира, но у нее совсем не такой глупый вид, как я ожидала, – заметила она.

– Глупый вид! – смеясь, повторил он. – Попробуй-ка заставить ее сделать что-нибудь, чего она не хочет! Увидишь, какая она хитрюга. Правда, старушка?

Он нагнулся и ласково почесал чудовищную тушу за ухом.

А ведь он по-настоящему любит животных, удивилась Беатриса.

Не прошло и часа, как она с еще большим изумлением обнаружила, что и животные любят его.

– Я со всеми познакомилась? – спросила она, узнав, как зовут, погладив и похвалив каждую лошадь, корову, собаку и кошку в усадьбе.

Генри улыбнулся. Лучшее он приберег под конец.

– Со всеми, кроме одного. Он вон там.

В его голосе зазвучала сдержанная гордость любящего отца.

– С ним приходится быть осторожным. Характер у него дьявольский.

Он отпер дверь отдельного хлева, очень светлого и безукоризненно чистого. Там стоял огромный красный бык с кольцом в носу и цепью на шее.

– Настоящий тисдейл. Отец привез его из Нортумберленда еще теленком. Во всем графстве нет второго такого красавца.

– Но... его всегда приходится держать взаперти?

– Нет. Мы каждый день выводим его гулять на цепях, а когда есть кому за ним присмотреть – пускаем пастись на западный выгон. Но это можно делать только изредка.

– Почему?

– Эти крупные нортумберлендские быки очень легко возбуждаются. А кроме того – слишком сильны. За ними нужен глаз да глаз.

– Но если они так опасны, зачем их держать?

– Милая, да ведь это лучшие производители в Англии. Посмотри, какие плечи! Не подходи так близко – он тебя еще не знает. Как поживаешь, старина? Мухи досаждают? Ну, ну, ничего.

Он шагнул в узкое пространство между рыжевато-бурым боком и стеной и принялся поглаживать могучую шею быка. Беатриса почувствовала, что ее сердце забилося чаще.

– Генри, а это не опасно?

– Для меня – нет. Никому другому он этого не позволит. Но мы с ним друзья, а, старик?

Он медленно поглаживал животное вдоль хребта. Бык неторопливо повернул голову, кося круглым глазом, моргая и тихо посапывая.

– Слышишь? Он любит, когда его почесывают. Знаю, милый, знаю. Я... А, рыжий дьявол, вот ты как!

Он быстро отскочил, потому что посапывание слегка изменилось и бык чуть заметно задвигал плечом.

– Ты видела? С ним надо держать ухо востро. Он один раз уже пробовал проделать со мной эту штуку.

Она дрожала.

– Что случилось?

– Он пытался оттеснить меня вперед. А потом мотнул бы головой и в одну секунду проткнул бы мне грудь вот этим рогом. Его, наверное, рассердило незнакомое лицо. Эти бестии очень коварны. Говорят, слоны-самцы тоже такие... Любимая, что с тобой? Бедняжка моя, ты побелела как полотно.

Он бросился к ней, чтобы поддержать ее, но она отшатнулась и оперлась о стену.

– Нет... Пустяки. Пожалуйста, выйдем на воздух. Здесь... так душно.

Он был встревожен, огорчен и смиренно просил прощения. Это он виноват. Ему следовало бы сообразить, что бык ее пугает. А кроме того, она, должно быть, очень устала: он слишком долго водил ее по усадьбе.

Она молча шла рядом с ним. К счастью, он не может догадаться, что привело ее в ужас.

Когда бык повернул голову, она вдруг увидела, что он похож на Генри. Не на Генри, каким он был в эту минуту, а на Генри под фонарем пристани в Брайтхелмстоне. Рыжеватые волосы, низкий лоб, широко расставленные глаза; и рот... животный, плоский и жадный. Словно они братья.

Бык приближается, как в кошмаре... И нельзя бежать...

– Наверное, я немного устала, – сказала она.

* * *

Утром в воскресенье Беатриса вместе с мужем отправилась в приходскую церковь Бартона. Он гордо и немного смущенно подвел ее к скамье Телфордов, рядом с плитой, на которой были начертаны имена его родителей. На секунду он преклонил колени, подобающим образом закрыв лицо руками, потом аккуратно расправил полы своего кафтана, уселся и стал смотреть на входящих. Глаза большинства присутствующих были устремлены на молодоженов; а сам Генри исподтишка поглядывал на огороженную родовую скамью Денверсов. Несколько второстепенных светил местной династии усаживались на свои места, но лорд Монктон был в отъезде, и широкая парчовая подушка властной самодержицы тоже оставалась пустой. Причетник шепотом сообщил, что ее сиятельству немного нездоровится и она не сможет почтить своим присутствием сегодняшнее богослужение. Генри начал молиться, чувствуя неожиданное облегчение: общество пока подождет со своим приговором. Никто не рискнет высказывать свое мнение, пока деспотичная старуха, которая делает погоду в западном Уорикшире, не выскажет своего.

Он бросил на Беатрису ободряющий взгляд, но она витала где-то в облаках. Благоговейно рассматривая величественный нормандский свод, некогда венчавший монастырскую часовню, она не замечала того, что происходит на земле. Ему пришлось объяснить ей все по пути домой, но и тогда она, казалось, не сразу поняла его.

Три дня спустя весь Бартон пришел в смятение оттого, что на дороге, ведущей к дому, показалась громоздкая карета Монктонов. Вдовствующая графиня оправилась от последнего вполне заслуженного приступа печени и теперь готовилась сдержать данное сестре обещание: обласкать осиротевшую – и более чем осиротевшую – дочь их старого друга.

Генри не было дома, но и без него нашлось кому волноваться. Все слуги от миссис Джонс, экономки, до младшего конюха хорошо понимали, что положение, которое займет в обществе новая хозяйка Бартона, зависит главным образом от матери лорда Монктона.

Беатриса все еще возилась со счетами, когда в дверь постучала экономка.

– Войдите.

Миссис Джонс вошла. Каждая складка ее черного платья из жесткого шелка была исполнена торжественной внушительности.

– Их сиятельство из замка в гостиной, сударыня.

Она умолкла с неодобрительным видом.

– Но я никого не ждала, – сказала Беатриса.

Она растерянно посмотрела на свое темно-синее шерстяное домашнее платье – единственное из ее нового гардероба, которое ей позволили выбрать самой. Оно отражало ее вкус, а не вкус миссис Карстейрс, и было простым и строгим.

– Нельзя заставлять ждать их сиятельство, сударыня, да только вот одеты вы... Может, мне вам что-нибудь быстренько принести? Зеленое люстриновое, а то тафтяное винного цвета?

– Благодарю вас, миссис Джонс, но мне не хочется заставлять пожилую женщину ждать. Я спущусь не переодеваясь.

Негодующий взгляд сверлил ее спину, пока она шла по лестнице, а сердце, непонятно почему, сильно билось. Плохое начало. Пожалуй, лучше было бы послушаться экономки: Генри будет очень разочарован, а может быть, даже рассердится на нее, если этот трехбунчужный паша в юбке изволит обидеться.

Миссис Джонс вернулась к своим делам. Новобрачная – и в таком виде! Что подумают их сиятельство?

В первую минуту их сиятельство подумали, что это какая-нибудь приживалка, «компаньонка из благородных», которую хозяйка послала сказать, что сейчас сойдет. Конечно, Генри не так скуп и черств, чтобы его молодой жене приходилось встречать незнакомых посетителей в шерстяном платье, словно какой-нибудь гувернантке, без серег, без броши – и с такими испуганными глазами. Затем она увидела узкую руку со сверкающим бриллиантом и вспомнила строки последнего письма своей сестры: «Надо бы немножко ободрить... страшно застенчива и молчалива... Но я убеждена, дорогая Эмилия, что она скоро узнает, какое доброе сердце бьется в груди моей сестры».

Леди Монктон поднялась и, ласково протянув полные руки, вся сияя добродушием, сделала несколько шагов навстречу вошедшей.

– Какая скромная мышка! Не бойтесь меня, дорогая моя; я знала вашего мужа еще совсем крошкой.

Беатриса внутренне вся сжалась. Кажется, эта толстуха собирается ее поцеловать? Что ж, ей приходилось терпеть поцелуи и похуже. Если Генри нужно, чтобы она подчинилась, – хорошо, ведь это входит в условия сделки. Медленная улыбка появилась на ее губах, когда она послушно наклонилась и подставила бархатистую щеку.

Генри, возвращаясь после разговора с управляющим, заметил у дверей августейший экипаж и ускорил шаги. В передней его перехватила экономка, исполненная трепетного возмущения.

– Их сиятельство в гостиной. А на хозяйке домашнее платье. Я просила, чтобы она позволила мне помочь ей переодеться, а она не захотела. Не дай бог, сэр, как бы их сиятельство не подумали, что им не хотят выказать уважение.

Его сердце упало. Если первая встреча окажется неудачной... Леди Монктон умела быть очень доброй, если вздумает; иногда просто удивительно доброй. Но у нее был острый язык, и она беспощадно замечала любой промах, любое нарушение хорошего тона. В его голове мелькнуло не относящееся к делу, но тем не менее мучительное воспоминание о происшествии еще его школьных времен: анекдот о парадном обеде по случаю выборов, когда – единственный раз в жизни – его отец был приглашен в гордый замок.

Ему, вероятно, было лет двенадцать, когда один из младших Денверсов привез эту историю в колледж Св. Катберта. Скверная шутка обошла спальни и площадки для игр, ничего не потеряв от частого повторения, и, пока Генри не расстался со школой, была занозой в его сердце. Каждому новичку непременно рассказывали – шепотом, хихикая и осторожно поглядывая на тяжелые кулаки Генри, – как «поставщик черномазых» (только один раз кто-то рискнул произнести это прозвище вслух) схватил жареного фазана руками, а потом, перепугавшись, так поспешно положил ножку обратно на тарелку, что она подскочила и шлепнулась вместе с подливкой прямо на колени супруги епископа.

Генри стиснул зубы и открыл дверь гостиной.

– ...почва такая жирная, что бояться надо только слизней. Но Макферсон знает от них средство. Так что, дорогая, если понадобится, приезжайте ко мне, и он вас научит. А вот и ваш муж.

Он наклонился, целуя протянутую ему пухлую руку. Он не верил собственным глазам и ушам: приветствие леди Монктон было не просто милостивым – оно было почти нежным.

– Поздравляю вас, милый Генри! Для всех нас большая радость, что дочь Стенли Риверса украсит наше общество. Да, да, Беатриса, я хорошо знала вашего отца, когда он был еще юношей. Мой младший брат очень подружился с ним в Оксфорде, и я танцевала с ним менуэт на свадьбе моей сестры. Ну, мне пора. Значит, через понедельник. Моя невестка просила передать ее извинения – она еще не оправилась после родов. Так не забудьте напомнить мне о георгинах.

Все еще сомневаясь, Генри проводил ее до кареты. Она взяла его под руку.

– Ну, плутишка, понятно ли вам, какой вы счастливчик? Она очаровательна. Не такая хорошенькая, как ее мать, но это ей, по-моему, нисколько не вредит. Откровенно говоря, я немножко обеспокоилась, когда услышала о вашем выборе, – испугалась, что она на нее похожа. Я терпеть не могла эту глупую Дору Понсефоут. Бесспорно, она была красива, просто прелестна; мы ее прозвали «Херувимчик». Но ведь одной красоты мало. Мне было бы грустно увидеть, что в доме вашей матери хозяйничает какая-нибудь пустоголовая куколка. Я очень уважала Ханну Бартон: порядочная, благоразумная женщина. Но это настоящая дочь Стенли Риверса – посмотрите, как она держится. Породиста, как скаковая лошадь. И все-таки нужно позаботиться о ее гардеробе. Я была просто поражена: в первую минуту я приняла ее за *demoiselle de compagnie*⁵. Неужели эта дура не могла сделать ей приданое?

– Не было времени, – пробормотал Генри. – Нам пришлось обвенчаться гораздо раньше, чем предполагалось, чтобы ее брат мог быть посаженным отцом. Он торопился назад в Португалию. Он на дипломатической службе.

– Знаю, знаю. Кто его туда устроил, по-вашему? Монктон, конечно. Кстати, что вышло из этого мальчика? Он вам нравится? Я рада этому. В последний раз, когда я его видела, это был прехорошенький мальчуган в синем бархатном костюмчике. Он сидел на скамеечке в нашем парижском посольстве и читал сказки, ужасно благонравный и послушный. Как можно скорее свозите ее в Лондон или в Бат, чтобы она себе что-нибудь сшила. Через понедельник вы обедаете у нас... Есть у нее подходящий туалет? Думаю, что даже Дора сумела сделать ей подвенечное платье. Интересно, кто его шил? Ах, подарок моей сестры! Превосходно. Но пусть им прежде кто-нибудь займется. Последняя новобрачная, которую я представила нашему обществу, забыла, что день ее свадьбы уже прошел. Правда, это не имело большого значения: ему под семьдесят, и он ходит с тростью. Но молодой петушок вроде вас – дело другое, а?

Она, дружелюбно усмехаясь, ткнула его локтем в бок, а он почувствовал, что его передернуло. Он был не более щепетилен, чем любой человек его сословия и его века, но ему не хотелось, чтобы она так шутила о Беатрисе.

Леди Монктон высунулась из окна кареты, грозя ему жирным пальцем.

– Постарайтесь быть ей хорошим мужем, мастер⁶ Генри, или вы будете иметь дело со мной!

Придя в себя, он кинулся в гостиную, схватил свою молодую жену в объятия и осыпал ее градом поцелуев.

– Любимая, любимая! Понимаешь ли ты, кого ты покорила? Я еще не видал, чтобы она с кем-нибудь так разговаривала, ни разу не видал! Все графство будет у твоих ног. Красавица ты моя! Как я смогу отблагодарить тебя?

⁵ Компаньонка (*фр.*).

⁶ Английское обращение к мальчику из богатой семьи.

Беатриса до боли прикусила нижнюю губу. Приятно, когда добиваешься цели. Но такой ценой?

Она чуть отодвинулась.

– Не надо, Генри, ты мнешь мне платье.

Он расхохотался и отпустил ее.

– Твое платье! Ну и попало же мне из-за него! Нам пора подумать о пополнении твоего гардероба.

– Но у меня все есть. Я просто забыла переодеться. А леди Монктон всем указывает, как одеваться?

– Наверное, всем, к кому хорошо относится. Боюсь, что очень многих она просто не удостоивает своим вниманием. Я был просто поражен, увидев, что она целует тебя на прощанье так нежно, словно ты ее родная племянница.

Ему, кажется, и в голову не приходит спросить себя: а нравится ли ей, что ее целует, называет милой девочкой и треплет по щеке совершенно незнакомая женщина с поблескивающими свинными глазками. Она быстро опустила ресницы. Что ж, если он доволен...

Все еще сияя, он отправился доканчивать осенний осмотр своих фруктовых деревьев.

Глава VII

На следующее утро управляющему пришлось долго томиться у крыльца. Генри, узнав, что после завтрака предстоит примерка подвенечного платья, которое переделывали для визита в замок, не мог упустить случая насладиться видом своей возлюбленной в этом белоснежном целомудренном великолепии. В день их свадьбы его мысли были заняты другим.

Миссис Джонс, с полным ртом булавок, ползала по полу, подкалывая шлейф. Беатриса, тоненькая и стройная, опустив руки, неподвижно стояла перед зеркалом, ожидая, пока все длинные блестящие складки будут подколоты и тщательно измерены. Когда он вошел, она не пошевелилась и продолжала сурово смотреть на свое отражение. В ее ушах звучала строчка из какой-то елизаветинской трагедии, которую любил ее отец: «Почтительно поддерживают шлейф, а душу волокут по грязи».

Когда Генри подошел, экономка, оглянувшись через плечо, заговорила с ним. Сегодня она была в хорошем настроении. Неожиданное одобрение старой графини сильно подействовало на нее, и она начинала надеяться, что выбор ее обожаемого мастера Генри не столь неразумен, как она опасалась.

– Сидит оно замечательно, но что хозяйка будет с ним носить? Красные розы? На южной стене много бутонов, к будущей неделе они должны распуститься; а если ночью будут заморозки – зима-то уже на носу, – я прикрою их из окна рогожкой. А то, если хотите, я подберу веточку жасмина получше, хоть он почти отцвел.

В дверь постучала судомойка.

– Простите, сударыня, кухарка говорит, пусть миссис Джонс придет посмотреть, уварилась ли смоква. Она никак не вспомнит, сколько ей положено кипеть.

Миссис Джонс поднялась, покачав головой.

– Ах ты господи! Я ей три раза повторяла! Вы меня извините, сударыня? Я сию минуточку ворочусь и помогу вам снять платье.

– Спасибо, миссис Джонс, но вам не стоит лишний раз подниматься наверх. Я сумею расстегнуть крючки.

– Как хотите, сударыня. Уж очень обидно будет, если смоква переварится. Вы его положите тогда на стул, а я потом уберу.

Когда экономка ушла, Генри вернулся к разговору о цветах.

– Я думаю – жасмин. Розы носят все.

– Как хочешь.

– Так, значит, жасмин. Но нужно еще какое-нибудь украшение: ожерелье или... Ах, я забыл...

Он смущенно посмотрел на нее, вспомнив список украшений, который читался в Кей-тереме.

– Но ведь у тебя же было что-то свое? Как, нет даже и пары сережек?

– У меня уши не проколоты. Отец был против. Ему не нравился этот обычай.

– Ни броши, ни браслета? Совсем ничего? Надо немедленно этим заняться. Но времени осталось так мало.

Она густо покраснела.

– Нет, Генри, пожалуйста, не покупай мне больше ничего, – попросила она. – Я вообще не люблю драгоценностей. А расходов и так уже было слишком много. Ты сам говорил, что нужно экономить.

Она была права: денег в банке почти не осталось. Лучше подождать мартовской выручки, прежде чем позволять себе новые расходы, в которых нет настоящей необходимости. Но

нельзя же допустить, чтобы его жена впервые предстала перед местным обществом только с веточкой жасмина и без всяких драгоценностей.

– Может быть, удастся найти что-нибудь в шкатулке моей матери? – сказал он. – Правда, там почти ничего нет. Ведь ты знаешь, Бартоны никогда не были знатью. Кроме того, после смерти деда она жила в страшной бедности; ей пришлось даже расстаться со старинным фарфором. Но когда она вышла замуж за моего отца, он купил ей несколько недурных вещей. Давай все-таки посмотрим.

Он вернулся со шкатулкой, на которой аккуратным почерком было написано: «Драгоценности моей любимой жены. Моему сыну Генри после моей смерти». Он сел, открыл крышку и начал выкладывать содержимое шкатулки на стол. Большинство вещей было ценно только как сувениры: сплетенные из волос цепочки, траурные брошки из оникса и агата, старые истертые венчальные кольца, детское коралловое кольцо и погремушка. Драгоценностей было немного – все тяжелые, дорогие, безвкусные, очевидно из запасов какого-нибудь провинциального ювелира. Генри покачал головой; затем лицо его прояснилось.

– Вот!

Он поднял плоский золотой медальон, усаженный мелким жемчугом, и ласкающим движением пропустил между пальцами длинную золотую цепочку.

– Он тебе нравится? По-моему, неплохо. Отец купил его матери на другой день после того, как я родился. Стеклышко было вставлено после. Видишь ли...

Он перевернул медальон. Там за стеклом лежали две прядки детских волос.

– Волосы моего брата и сестры – близнецов. Они умерли от дизентерии, когда я был еще совсем маленьким. Им еще и трех месяцев не было. Одно из самых ранних моих воспоминаний – я сижу у нее на коленях и хочу схватить медальон. Она отняла его и сказала: «Нельзя». Потом поцеловала его и заплакала. Мне, наверное, было тогда года три-четыре. Мне было только шесть, когда она умерла. Много лет спустя отец рассказал мне, как она горевала по ним.

Беатриса внимательно смотрела на его лицо. Да ведь оно стало совсем другим – в нем нет ничего отвратительного!

Генри все еще колебался.

– Боюсь, что он немножко старомоден, но если все-таки он может подойти...

– Я с радостью надену его, если тебе не будет неприятно, – мягко ответила она и чуть смущенно наклонила голову, чтобы ему легче было надеть ей на шею цепочку. – Спасибо. Мне приятнее носить это, чем какую-нибудь драгоценность.

Она поглядела на крохотные светлые прядки за стеклышком. Ей почему-то стало легче, словно они были счастливым талисманом.

– Лучше спрячь его в шкатулку до понедельника, – сказала она и начала снимать цепочку. Но у самого горла цепочка зацепилась за что-то острое, и Беатриса уколола палец.

– Кажется, здесь осталась булавка, – сказала она.

Генри подошел к ней.

– Дай я посмотрю. Да, прямо в кружевах какая-то изогнутая проволочка.

– Ах да, помню. На ней держались лилии леди Мерием, а то они все падали.

Ее лицо снова стало суровым при воспоминании о том, как ее мать святотатственными руками украшала символом непорочности тело, которое сама предала на поругание. Наверное, когда-нибудь откроют, что Иуда Искариот был женщиной и матерью.

Она дрожащими пальцами перебирала кружево.

– Дай я помогу, – сказал Генри.

Он осторожно отцепил проволочку. Вдруг кровь бросилась ему в голову, он раздвинул мягкий атлас и прижался лицом к ее груди.

– А-ах, какая кожа!

Она рванулась назад с такой силой, что проволочка выскользнула из его пальцев.

– Милая, я тебя оцарапал?

Генри поднял проволочку с пола. И тут он увидел побелевшее лицо Беатрисы, ее руки, судорожно сжавшие платье у горла.

– Любимая, любимая, прости! Я не хотел... Я только...

Когда, исполненный раскаянья, он сделал шаг к ней, она с придушенным криком отвернулась и выбежала из комнаты.

Задыхаясь, словно спасающийся от охотников зверек, она заперла дверь спальни и сорвала с себя платье вместе с цепочкой; потом, все еще с содроганием ощущая прикосновение жадного рта, налила воды в таз для умывания и терла оскверненное место до тех пор, пока белая кожа не побагровела. Если бы можно было выжечь его каленым железом!..

Животное! Усыпляет твою осторожность, одурачивает тебя ложью о своей матери и ее умерших детях – только ради этого.

Ночью ты знаешь, чего ожидать. Можно стиснуть зубы, взять себя в руки и как-нибудь терпеть. Но не иметь ни одной спокойной минуты и днем, всегда опасаться ловушек и засад...

А она еще убеждала себя, что он добр, раз ласкает собак. Где была его доброта в ту ночь на пристани? *Ты готова?* Что ему было до ее муки, до ее ужаса, раз дело шло о его удовольствии!

Она услышала легкий стук в дверь и застыла, словно окаменев.

– Беатриса, любимая, открой мне! Ну, пожалуйста, открой.

Комната принадлежит ему. Если он вздумает выломать дверь – это его дверь. Она облизнула губы и заставила себя заговорить:

– Будь добр, Генри, подожди минутку.

Она подняла подвенечное платье и положила его на кровать, потом подняла цепочку. Одно звено было сломано.

Что толку! Вместо каждого сломанного звена будут выкованы два новых. Ей от него не вырваться.

Она умылась, надела домашнее платье, накинула на плечи шарф, крепко зашпилила его на груди и отперла дверь. Генри переступил порог с видом побитой собаки.

– Любовь моя, прости меня, прости.

Она стояла, глядя на него. Потом с трудом сделала несколько шагов, опустилась на стул, и на лбу у нее выступили капельки пота. Она стиснула зубы, испытывая злобную ненависть к себе.

«Встань, идиотка, встань! Так ты его не остановишь. Встань и не теряй головы. Обморок тебе не поможет. Он подходит все ближе».

Но комната плыла у нее перед глазами. Что с ней?

Теперь он стоит на коленях рядом с ней, обнимает ее, прижимаясь головой к ее ногам.

– Радость моя, сокровище мое, я не хотел оскорбить твою стыдливость, скромница моя. Я так виноват; как я мог так забыть! У меня такое чувство, словно я растоптал фиалку.

– Генри, – еле выговорила она, – пожалуйста... уйди. Мне надо побыть одной. Нет, я не больна, но мне хочется прилечь... Нет, нет, мне ничего не нужно. Ради бога, уходи скорее! Я... меня тошнит.

Он уже встал и теперь пристально смотрел на нее. Выражение надежды, сомнения и благоговейного страха быстро сменялись на его лице. Потом он на цыпочках вышел из комнаты, и она снова заперла дверь.

Когда приступ тошноты наконец миновал, она кое-как доплелась до кровати и легла. Вскоре она поймала себя на том, что смеется.

Словно он растоптал фиалку! А для чего же еще существуют фиалки?

Ее отец однажды сказал о цветах странную вещь. Кто-то восхищался портретом его бабушки. «Да, – сказал он потом, – наверное, она была красива, но она убивала красоту во всем, к чему прикасалась. В ее присутствии даже полевые цветы становились простыми сорняками».

Скольким еще цветам суждено стать простыми сорняками? В ту ужасную ночь в Брайтхелмстоне была минута, когда Генри сказал: «Моя лилия, моя белая лилия». А потом он стал плакать, *плакать* над лилией – если это была лилия, – которую только что извалил в грязи.

Об этом всегда пишут в стихах. Даже цветам приходится служить тому же. И вся твоя жизнь от детства и до старости – словно «Пастуший календарь», где у каждого цветка есть свой эпитет: невинная маргаритка, непорочная лилия, стыдливая фиалка, пунцовая роза. А дальше что?

«А дальше – плодоносная яблоня».

Она села на постели. Нет, только не это. Пусть женщины – рабыни, но никто не смеет навязывать им это последнее из унижений. За девять месяцев еще будет время, много времени, чтобы найти какой-нибудь выход.

А что, если это ложная тревога? Тошнота могла быть случайной. Но даже если нет, каждая женщина имеет право выбирать; стоит только принять яд, и все будет кончено.

«Не обманывай себя. Это следовало сделать пять недель тому назад. У пристани было глубоко, и у тебя в руке был острый нож, – а что ты с ним сделала?»

«Разве я не должна была сдержать слово? Как будто я не предпочла бы...»

«Лги кому-нибудь другому. Ты выбросила нож потому, что испугалась смерти. Ты трусила, моя милая, ты трусила».

Что все это значит? В комнате никого нет. Спорит ли она сама с собой, как делают сумасшедшие? Или...

Женщина на портрете! Мать-чудовище, которая уговаривала свою дочь повеситься... Или она вернулась спустя пятьдесят лет, чтобы снова приняться за прежнее?

Отец говорил, что трус... Что он говорил? «Трус – это человек, который обещает себе, что в следующий раз не подчинится». Как страшно он это сказал.

«И теперь ты знаешь – почему. Да, в твоих жилах течет рабская кровь – его кровь. Он знал, на какой женщине женился, но до самой смерти оставался ее рабом; и ты сделана из того же теста».

«Ты меня не испугаешь. Я никогда не покорюсь».

«Ты думаешь? О, без сомнения, сначала ты будешь скулить. Что же, скули – кому какое дело? А когда тебе надоест, ты перестанешь скулить. И ты будешь плодоносить столько раз, сколько заблагорассудится твоему хозяину».

А после плодоносной яблони – что? Кислый, сморщенный, никому не нужный старый дичок. И в конце концов – гниющая, пахнущая падалью поганка.

Она снова рассмеялась – нехорошим смехом.

Нет, она все перепутала! Ведь это его эмблема. Эмблема каждого торжествующего самца: веселка⁷, на которую она недавно наткнулась в орешнике. Сперва ей показалось, что где-то рядом валяется падаль, но потом она чуть было не наступила на эту мерзость.

Она старалась взять себя в руки. Довольно, довольно! Как гнусно!

Вот до чего она дошла. Она упивалась мыслью, что не дала тому, первому, загрязнить себя, раз чуть не выцарапала ему глаза. Но они оба загрязнили ее: один – тело, а другой – ум, если в ее воображении рождаются такие образы.

«Ну, а пока медальон с волосами двух щенят, умерших от дизентерии, понравится леди Монктон своей скромностью и изяществом и, кроме того, даст возможность не тратить лишние деньги».

⁷ Веселка – гриб *Phallus impudicus*, споры которого смачиваются темной жидкостью, имеющей запах падали.

Глава VIII

На званом обеде Генри не раз пришлось удивляться.

Сначала он немного боялся и за себя и за Беатрису. Ему приходилось бывать в замке на заседаниях избирательного комитета и на других деловых собраниях, но к обеду он был приглашен сюда впервые.

Войдя в большую гостиную, он увидел знакомые лица, не раз приводившие его в трепет. Томас Денверс, лорд Монктон, фэгом⁸ которого он был в школьные годы, стал теперь молчаливым молодым человеком с тяжелой челюстью, но маленькие глазки, которые в колледже Св. Катберта так часто проникали в самые тайные помыслы Генри, остались прежними. В этот вечер он впервые встретил их взгляд без прежнего ощущения беспричинной неловкости и сознания собственного ничтожества. С этого дня он принадлежит к избранным. Вдовствующая графиня, в тяжелом бархатном платье и сверкающих драгоценностях похожая на толстого восточного идола, поманила его пальцем, оторвав от разговора со своим сыном.

– Генри, пойдите скажите Беатрисе, что она мне нужна.

Во время обеда он краешком глаза следил за тонкой белоснежной фигуркой рядом с седовласым доктором богословия Паркинсоном, добродушным и благообразным епископом. Соседкой Генри по столу была молодая жена местного баронета, всего год как вышедшая замуж. На ней было роскошное платье с пышными розовыми оборками и, пожалуй, слишком много бриллиантов. Она пользовалась репутацией остроумной женщины, и местные сплетни в ее изложении было бы приятно слушать, если бы не ее захлебывающийся визгливый голос, которого он, впрочем, и не заметил бы несколько месяцев назад. Но теперь, привыкнув к спокойному, серебристому голосу Беатрисы, он недоумевал, как может баронет терпеть болтовню своей супруги.

Леди Крипс любила не только делиться пикантными новостями, но и собирать их.

– Ах, скажите мне, – чирикала она, – это правда, что миссис Телфорд ужасно ученая? Я слышала, что в письме к леди Мерием вы описывали, как она дни и ночи напролет читает книги по-гречески и по-латыни.

Отеческая улыбка сбежала с лица доктора Паркинсона. Он бросил на Беатрису испепеляющий взгляд. Хозяйка дома оторвалась от блюда, над которым трудилась, и шутливо сказала:

– Берегитесь, ваше преосвященство. Вы сидите рядом с весьма ученой дамой.

– Ну вот видите! – воскликнула леди Крипс. – Я буду ее бояться!

Генри просиял. Теперь, когда он немного свыкся с необычайной начитанностью своей возлюбленной, это ее качество уже казалось ему столь же восхитительным, как и все остальные.

– Насчет греческого я не уверен, – ответил он со скромной гордостью, – но латынь она правда знает как свои пять пальцев.

– Неужели? А какие книги она читает?

– Ну, это немножко не по моей части. Я никогда не увлекался латынью. Слишком много доставалось за нее в школе, а, Монктон? Я лучше разбираюсь в лошадях. Но как-то в Брайтхелмстоне мне случилось взять одну из книг моей жены. Про сатиров и всякое такое. Какой-то древний автор, забыл – какой. Петре... Как там его.

Тут он заметил, что все внимательно слушают его, а епископ побагровел. Что он такое ляпнул?

Ах да! Паркинсон! Ведь это тот самый епископ, чья проповедь в осуждение женского образования вызвала такой скандал прошлой весной. Какая-то герцогиня встала и удалилась из Виндзорской церкви в знак протеста, когда он начал поносить ученых женщин, называя

⁸ Фэг – в английской школе ученик младших классов, состоявший при каком-нибудь ученике старших классов.

их «ярмарочными обезьянами» и «нечестивыми французскими гиенами» и утверждая, что их следовало бы выдрать плетью. И леди Монктон не нашла ничего лучшего, как посадить рядом с ним – Беатрису!

Он в ужасе бросил взгляд через стол на жену. Она слушала с вежливым вниманием и только чуть-чуть улыбалась.

«А теперь, – думала она, – произойдет взрыв. Я знала, что рано или поздно это должно случиться. Доктор Паркинсон, в отличие от Генри, знает, кто такой Петроний Арбитр».

Ею овладела дерзкая беззаботность. Из-под опущенных ресниц она посмотрела на разъяренного защитника мужской монополии.

«Ты тайком хихикаешь над ним, – подумала она, – и прячешь его под пухлыми богословскими фолиантами. А теперь, йеху, ты покажешь нам, какой ты высоконравственный».

К счастью, епископ не расслышал неоконченного имени. Он оседлал своего конька и уже мчался сломя голову. Мощные раскаты звучного голоса, каким он проповедовал с кафедры, обрушились на Генри:

– Мне грустно слышать это, сэр. Молодой жене более пристало учиться своим домашним обязанностям, нежели заниматься материями, постичь которые она все равно не в состоянии.

Потом он гневно напал на Беатрису:

– Поверьте, сударыня, женщины вызывают гораздо больше восхищения, когда не выходят за пределы назначенной им сферы.

Генри багрово покраснел. Если леди Монктон думает, что он спокойно позволит оскорблять свою жену...

– Ваше преосвященство... – начал он, но леди Монктон перебила его негодующую речь в самом начале:

– Ах, ваше преосвященство, ваше преосвященство! Ведь дочерняя любовь не возбраняется нашему полу. Миссис Телфорд занималась латынью только для того, чтобы читать вслух своему слепому отцу – по примеру дочерей Мильтона.

На мгновение епископ уставился на нее, совершенно опешив; затем он со смущенным смешком укоризненно покачал головой.

– Touché!⁹ Я вижу, что ваше сиятельство по-прежнему любит устраивать засады и ловушки.

Он снова повернулся к Беатрисе, и его доброе лицо сморщилось, как у ребенка, готового заплакать.

– Нижайше молю вас о прощении, мое милое дитя. Мне следовало бы догадаться, что столь очаровательное личико не может быть маской, за которой скрывается отвратительнейшее существо – женщина, претендующая на ученость.

Все ждали ответа Беатрисы.

– О, ваше преосвященство, я не претендую ни на какую ученость. Правда, мой отец научил меня немного читать по-латыни, но сейчас я изучаю поваренную книгу, – тут она обезоруживающе засмеялась. – С вашего разрешения, я признаюсь в одном очень вольном поступке: сегодня утром я бросила в камин несколько латинских книг. Мне было очень скучно сидеть над ними, ведь гораздо интереснее учиться печь пирог с дичью.

Епископ расцвел в улыбке.

– Весьма похвально. О, если бы некоторые головы постарше были бы столь же мудры.

Он поклонился Генри.

– От души поздравляю вас. В наш развращенный век красота, скромность и здравый смысл – поистине редкое сочетание.

⁹ Удар, попавший в цель – фехтовальный термин (фр.).

Неожиданно Беатриса заметила, что лорд Монктон буравит ее своими глазками, так похожими на глаза его матери.

«Он понял», – подумала она.

В гостиную старая графиня погладила ее по плечу.

– Умница! Не обижайтесь на беднягу Паркинсона. У него золотое сердце; но, к сожалению, он плохо воспитан. И сердился он на меня, а не на вас. Его мать служила в горничных одной из моих теток, которая была синим чулком и к тому же настоящей фурией. Она позволяла моим кузинам дразнить его, когда он был стеснительным, неуклюжим мальчишкой, и он не может забыть этого. А теперь его собственные дочери помыкают беднягой, как хотят.

– Я прощен? – спросил епископ, склоняясь над рукой Беатрисы, когда она уезжала. – И вы не откажетесь принять мои искренние пожелания, чтобы ваши труды над пирогом с дичью увенчались полным успехом? Я убежден, что счастливицы, которые будут его вкушать, найдут его столь же достойным всяческого восхищения, как и прекрасную хозяйку, испекшую его.

Она сделала реверанс.

– Может быть, когда дело пойдет у меня на лад, ваше преосвященство окажет мне честь отведать мой пирог? Тогда и я буду знать, что прощена.

Не успела карета тронуться, как долго сдерживаемые чувства Генри вырвались наружу.

– Милая, ты была удивительна, удивительна! Если бы ты знала, как я тобой горжусь! Все говорили только о том, как великолепно ты держалась, когда Паркинсон был с тобой так груб. Как могла леди Монктон подвергнуть тебя такому... Знаешь, еще немного, и я вздул бы его, хоть он и епископ!

– Он не хотел меня обидеть, – ответила она. – Он просто не понял. Ты слышал, как он потом извинялся? Между прочим, я пригласила его как-нибудь пообедать у нас – надеюсь, ты ничего не имеешь против?

– Против? Но, дорогая, он и не подумает приехать!

– Леди Монктон собирается привезти его на будущей неделе. Он гостит у нее, и ему хотелось бы осмотреть старую церковь. Надо приготовить для них обед получше, и чтобы непременно был пирог с дичью: они оба любят поесть. Я уверена, что миссис Джонс не пожалеет никаких трудов. А ты позаботишься о вине, хорошо?

Минуту Генри сидел молча, открыв рот от изумления, затем снова пробормотал: «Ты удивительна», – и заснул, положив голову к ней на плечо. От него немного пахло вином. Очень осторожно она высвободилась, не разбудив его.

«Итак, – думала она, глядя широко открытыми глазами в сумрак кареты и прислушиваясь к мирному похрапыванию мужа, – на этот раз обошлось. Но когда-нибудь Генри узнает, что я читаю и что думаю, – нет, то, что я думаю, принадлежит мне. А в будущем – пусть узнает все остальное, когда уже нечего будет узнавать».

Страшный двойник, которого она начала бояться, снова принялся нашептывать беспощадные возражения и предположения.

«Это еще неизвестно. Лорд Монктон понял, что означает „Петро“. Он завтра же может заехать и открыть Генри глаза. А если нет, разве он не захочет, чтобы ему заплатили за молчание? Или ты думаешь, что люди хранят чужие тайны даром?»

«Чепуха. Кругом столько женищин, а я вовсе не красавица».

«Ты не красавица, но достаточно хороша собой. Сегодня за столом не было женищины красивее тебя, ты это знаешь. И он тоже».

«Это еще не так много».

«Достаточно молодости и нежной кожи. Что ты сделаешь, если он начнет тебе угрожать?»

«Наверное, буду отбиваться, как и всякая загнанная в угол крыса. Ах, все это глупости; он ничего не может сделать. Даже если ему удастся убедить Генри, муж не может разве-

стись с женой только из-за того, что, по чьим-то словам, она читает дурные книги. Ни в чем другом меня обвинить нельзя. А от книг остался только пепел. Надо только придумать какую-нибудь ложь. Лгать легко, стоит только привыкнуть. Сегодня вечером это получилось у меня неплохо».

«Да, ты была в своей стихии. Мерзкая лицемерка, какое отвращение почувствовали бы к тебе отец и Уолтер!»

«Они не знают, что значит быть женищиной. Я дорого заплатила за свое убежище и не хочу его лишиться. И потом – у меня сейчас хватает других забот».

Она снова начала считать: сентябрь, октябрь; и тошнота теперь каждое утро.

«Скулить не из-за чего. Ты всегда можешь покончить с собой, если захочешь. Да нет – где тебе! У тебя будет младенец – милый, невинный младенец-йеху с хорошенькими голубыми глазками, как... ты знаешь, у кого, и со ртом, как у Генри. И все будут поздравлять тебя».

Генри спал с открытым ртом. Она посмотрела на него и пожала плечами. Могло быть и хуже. Это чудовище, как и Полифем, не слишком сообразительно.

Лорд Монктон сидел в будуаре матери и курил, пока она, как обычно, пила «на сон грядущий» ром с горячей водой. Они были добрыми друзьями, и он часто укрывался здесь от легкомысленной болтовни своей супруги. Порой они могли просидеть так целый час, не промолвив ни слова.

– Не слишком ли сильно вы нынче дергали дьявола за усы? – заговорил он. – Была минута, когда я думал, что старик Паркинсон вот-вот проглотит бедную девочку живьем. А в следующую минуту, насколько я знаю Телфорда, у его преосвященства был бы расквашен нос.

Леди Монктон продолжала прихлебывать свой пунш.

– Я хотела ее испытать. Должна сказать, что она недурно выдержала экзамен.

– Превосходно. И Паркинсон – неплохая добыча. Но все-таки это было жестоко по отношению к девочке – ее первый званый обед.

– Я следила за ней, – хладнокровно ответила его мать. – Но я знала, что она с ним справится. Понаблюдай за этим ребенком, Том; конечно, она еще малое дитя и к тому же насмерть перепуганное, но она многое унаследовала от судьи Риверса – гораздо больше, чем ты думаешь, да и она сама тоже. И я не удивлюсь, если окажется, что кое-что перешло к ней и от старой ведьмы-француженки. Дай ей три-четыре года, чтобы подрасти, и младенца, чтобы остепениться, и – если только я не очень ошибаюсь, – она сумеет обвести вокруг пальца самого сатану и всех присных его.

Он выбил пепел из трубки.

– Во всяком случае, моя высокочтимая мать, я не сомневаюсь, что к тому времени вы многому ее научите.

– Надеюсь. Сестра Каролина немножко опасалась этого брака, потому что Телфорд неровня Беатрисе. Но за ней ничего не давали, ее мать опозорила семью, а этот негодяй превратил их дом в притон, – и предложение любого достойного человека было для нее счастьем. Когда я узнала, что с ней не хотят даже танцевать, я посоветовала сестре познакомить их как можно скорее. Во всяком случае, он держится вполне прилично, а она сумеет воспитать его.

– Ну, а пока, я полагаю, большая удача, что он осел.

– Весьма большая.

– Гм. Между прочим, хотел бы я знать, какие это книги она сегодня бросила в огонь.

Леди Монктон допила свой пунш. Когда она поставила стакан, ее сходство с умиротворенным Буддой стало еще больше.

– Женская тайна, мой дорогой. Но она скоро повзрослеет и забудет все эти глупости.

Он встал.

– Ну, это ваше дело. Спокойной ночи, мама.

В дверях он остановился.

– Мне было бы жаль, если бы у Телфорда случилось какое-нибудь горе. Он глуп, как бревно, но добрый малый и был моим фэгом. Человек, которому ты в свое время надавал столько оплеух...

Она кивнула.

– Не беспокойся, я присмотрю за девочкой. Мне нравился Стенли Риверс. Но всему свой черед. Сначала надо было вырвать ее из этого дома.

Глава IX

Как-то ноябрьским утром Беатриса принесла мужу еженедельный список расходов, покупок и предполагаемых изменений. Как всегда, он был составлен с большой тщательностью.

– Кое-какие расходы мне кажутся излишними, – заметила она. – Со временем я, возможно, смогу навести некоторую экономию, особенно в молочной, но, пожалуй, лучше подождать с новшествами до Рождества. Я сама знаю еще слишком мало, чтобы указывать другим.

– Поступай так, как сочтешь нужным, – сказал Генри. – Ты чудесно со всем справляешься; я бы никогда не поверил, что кто-нибудь сможет так быстро освоиться с порядками в доме. Все слуги ведут себя безупречно. Но ты слишком много работаешь. По-моему, ты хлопчешь весь день напролет.

– Это только пока я учусь, – ответила она, задумчиво закрывая свою записную книжку, и тут же, почти не изменив тона, прибавила: – Генри, кажется, у меня будет ребенок.

Когда его первые восторги улеглись, он вспомнил, что молодые жены вполне естественно боятся первых родов и что мужьям полагается рассеивать их страхи. Но его попытку успокоить ее она встретила с такой снисходительностью, словно он был ребенком, который боится темноты.

– Не волнуйся. Ничего страшного нет. Я вполне здорова, и все будет как надо.

Конечно, очень хорошо, что она так благоразумна, но эта хладнокровная рассудительность несколько обескуражила его.

Она заговорила о том, что надо сделать в ближайшие месяцы. Он спросил, не нанять ли ей горничную для личных услуг.

– Мне кажется, незачем входить в лишние расходы. Миссис Джонс позаботится, чтобы наши горничные делали все, что потребуется. Она очень добра.

– Правда? Я немножко беспокоился. Мне казалось, что она дуется.

– Так было только в самом начале, пока мы не познакомились поближе. Это вполне естественно – ведь она прожила здесь столько лет. Но теперь у нас прекрасные отношения.

Действительно, хотя и с большим трудом, но ей уже почти удалось завоевать сердце старой экономки. Миссис Джонс, честная, доброжелательная и хозяйственная женщина, знала Генри еще в пеленках и правила Бартоном с тех давних пор, как овдовел его отец. Сперва она испытывала сильное предубеждение против будущей хозяйки, которая того и гляди, не успев приехать, начнет вводить всякие столичные глупости и перевернет все в доме вверх дном. Застенчивая новобрачная с нежным голосом, всецело признающая превосходство ее опыта и знаний и всегда готовая прибегнуть к ее совету, оказалась приятной неожиданностью, и миссис Джонс уже не раз говаривала слугам, что молодую супругу их хозяина, наверное, вырастила хорошая мать.

Надо будет в течение года осторожно подсказать миссис Джонс различные способы экономнее и лучше вести хозяйство и потом, как только та забудет, что не она их придумала, ввести их от ее имени. Так будет проще всего.

Днем Генри встретил приятеля и, не удержавшись, поделился с ним чудесной новостью. Выслушивая поздравления, он сиял, но эта радость мгновенно исчезла, когда его спросили, скоро ли приедет теща.

У него вытянулось лицо.

– Моя теща?

– Молодые жены обычно предпочитают, чтобы в такое время матери были с ними, особенно если это в первый раз.

Генри направился домой, тоскливо задумавшись. Страшно представить себе, что эта отвратительная женщина завладеет Бартоном, но раз она нужна Беатрисе, ничего не поделаешь! Теперь нельзя огорчать бедную девочку отказом. Он должен быть очень деликатен.

Она лежала на диване в гостиной, глядя на пляшущее в камине пламя. Он сел рядом и нежно обнял ее, прежде чем коснуться трудного вопроса.

– Ах да! – начал он затем. – Ты уже написала матери? Я полагаю, мы должны известить ее как можно скорее.

Беатриса по-прежнему смотрела на огонь.

– А нужно ли ей вообще знать об этом?

– Что ты, Беатриса! – голос Генри стал почти строгим. Он очень обрадовался тому, что она, казалось, вовсе не жаждет приглашать к ним эту ненавистную женщину, но все-таки приличия должны быть соблюдены.

– Что ты, дорогая! Конечно, ты знаешь, что я совсем не... то есть я хочу сказать, что мы с твоей матерью очень разные люди. Но нам следует помнить о своих обязанностях. Ведь она все-таки твоя мать.

– Да. Именно это я и стараюсь забыть.

Она прикусила язык. Как глупо она проговорила!

«Вот именно, дорогая; ты только навредишь себе, выбалтывая все, словно разговариваешь с Уолтером. Погляди, какое у него возмущенное лицо! Еще минута, и он решит, что пригласить ее – ваш священный долг».

«Я не хочу, чтобы она приезжала. Я лучше покончу с собой».

«Ну так останови его; придумай что-нибудь».

Фраза из эссе Бэкона, которое она читала отцу перед началом последнего припадка, всплыла в ее памяти:

«Если вы хотите, чтобы человек был в вашей власти, вы должны либо знать его характер и привычки и тем подчинить его... либо его слабости...»

Она бросила на мужа беззаботный взгляд.

– Да, конечно. Я только подумала, не разумнее ли будет это отложить. Видишь ли, если мы им сообщим, будет невежливо не пригласить их сразу же; а если они прогостят здесь долго... я просто немного испугалась: а вдруг он решит использовать твои связи в обществе? Например, если он займет деньги у лорда Монктона... Но раз ты считаешь, что надо написать немедленно, я, конечно, напишу.

Генри похолодел.

– Нет, нет, любимая. Ты совершенно права. Мы подождем, пока все благополучно кончится. Это лучше и для нее – ей останется только радоваться, не испытывая перед этим никакой тревоги.

– Спасибо. Ты всегда заботишься о других.

И снова так же горячо, как каждое воскресное утро в церкви, он возблагодарил Создателя, даровавшего ему хорошую жену.

Прежде чем наследник Бартона успел без особого шума и волнений появиться на свет, Генри, так же как и миссис Джонс, ушел еще дальше по приятной тропе забывчивости: если миссис Карстейрс когда-нибудь и узнала, что стала бабушкой, она узнала это не из первых рук.

* * *

Беатриса лежала, глядя на своего новорожденного сына. Такой крохотный, такой беззащитный – и в таком мире. Бедняжка, лучше бы ему умереть. Но ведь это было бы лучше для всякого, и, однако, все хотят жить. И она тоже. Зачем? Ведь жизнь – это мерзость и страх,

стыд, боль и ненависть. И все-таки, хотя ей предстоят еще испытания вроде последнего, она цепляется за жизнь потому лишь, что сама жизнь сильна в ней. Она готова по-прежнему служить желаниям Генри, снова и снова переносить ужасы деторождения, плодить новых и новых ненужных и жалких детенышей, таких же отвратительных, как и их родители, – и для чего? Чтобы они, в свою очередь, могли плодить новых. Бесконечная цепь осквернителей и оскверненных.

Ребенок ткнул ручонкой в ее грудь, и она, содрогнувшись от этого прикосновения, спрятала лицо в подушку.

Бедный, бедный малыш! Что его ждет? Зачатый в отвращении, рожденный в страдании, рожденный матерью, которая никогда, никогда не сможет его полюбить...

Она злобно одернула себя. Плаксивая дура, готовая разреветься оттого, что ее собственному отродью предстоит разделить судьбу всего сущего! Как будто она не знает, что вся эта болтовня о материнской любви – одно лицемерие и ложь! Кошки, возможно, любят своих котят, пока они малы, и некоторые женщины – особенно самые глупые – чувствуют животную привязанность к отпрыскам их собственной мерзкой плоти. Но ребенок – естественный враг своей матери: он возникает ценой ее мук, уродует ее, паразитирует на ее теле, ненавидимый и ненавидящий. Если бы она хоть чем-нибудь отличалась от своей чудовищной матери, она убила бы себя, только бы не дать жизнь беспомощному существу, раз жизнь такова. Однако она сделала это, она бросила в воду нож, который спас бы и ее и маленького; и теперь, просто из чувства порядочности, она должна заботиться о нем, пока он не вырастет и не научится в свою очередь презирать и проклинать ее, как она проклинает...

Странный фарс – жить и давать жизнь другим.

Миссис Джонс, которая принесла ей чай, увидела, что она смотрит на малютку, и подумала: «Душечка наша милая».

Глава X

Гарри уже учился ходить, а Беатриса ждала второго ребенка, когда Уолтер наконец снова приехал в Англию. Слухи о его необычайных лингвистических познаниях достигли министерства иностранных дел, и едва он туда явился, как в него вцепился озабоченный чиновник:

– Мистер Риверс из Лиссабона? Мне говорили, что вы полиглот. Вам, случайно, не знаком персидский язык?

– Немного.

– Правда? Вы-то мне и нужны. Пройдите сюда, пожалуйста.

Его усадили перед кипой бумаг.

– Между прочим, каким образом вы изучили восточный язык? Ведь вы, если не ошибаюсь, никогда не служили на Востоке?

– Да, но я занимался персидским в последний год моего пребывания в Оксфорде. Я всегда интересовался языками.

– Завидный дар. На скольких вы читаете? Как! На всех этих, и свободно? Гм, считая английский и мертвые языки, всего получается четырнадцать. Вы слишком хороши для Лиссабона. Мы, пожалуй, задержим вас здесь на пару недель: у меня лежит несколько бумаг, которые нежелательно отдавать посторонним переводчикам.

Уолтер проработал в министерстве почти четыре месяца. По воскресеньям он обычно бывал у матери, а короткий отпуск провел в Бартоне. Генри и Беатриса приехали в Лондон, чтобы проводить его, когда он уезжал в Португалию.

Генри довольно долго скучал и не мог привыкнуть к его отсутствию. Ему всегда хотелось иметь брата, и он был рад, что нравится Уолтеру. В Бартоне они совершали длинные прогулки, наблюдая за птицами, и оба глубоко, хотя каждый по-своему, восхищались деревенской природой. Но, оставаясь наедине с сестрой, Уолтер становился молчаливым, и иногда казалось, что он чувствует себя с ней неловко.

Это было что-то новое. Он словно считал себя в чем-то виноватым. Беатриса не осмеливалась признаться себе, что его отъезд был для нее почти облегчением.

С самого детства их дружба была необычайно тесной, а после того как она вышла замуж, самая мысль о том, что он живет на свете, служила ей поддержкой в минуты черной тоски, которая время от времени все еще овладевала ею. В своих ежемесячных письмах – как и она в своих, – он писал только о внешней стороне своей жизни или о всяких пустяках, и все же они были драгоценны хотя бы потому, что напоминали ей о единственном человеке, который никогда не лгал и ничего не требовал, о человеке, на чью любовь она могла положиться и на чьем лице даже в самых страшных снах она ни разу не видела проклятой сальной усмешки йеху.

Но вот долгожданная встреча наступила и кончилась, а они так и не нашли, что сказать друг другу. Да и о чем, собственно, могли бы они говорить, кроме того, о чем лучше было молчать?

Что он увидел в Кейтереме, и так было ясно, а как тяжела и скучна для него жизнь, которую он вынужден вести, она понимала без слов. В Лиссабоне, лишенный возможности заниматься любимым делом, он был обречен на бессмысленную работу среди людей, с которыми у него не было ничего общего.

Она не сомневалась, что он глубоко несчастен. Но несчастье, с ее точки зрения, было непрямым и постоянным условием человеческого существования, и чем меньше об этом думать, тем лучше. Исключение составляли только здоровые малыши вроде Гарри и, конечно, такие люди, как Генри.

И все-таки это трагедия. Ведь в детстве Уолтер был таким жизнерадостным, полным кипучего интереса к жизни.

Она всегда была поверенной всех его мыслей и интересов. Еще когда она была совсем крошкой, он переводил ей отрывки из Вергилия и Гомера и рассказывал о неведомых странах и диких народах. Когда она подросла, он без конца делился с ней надеждами, слишком заветными, чтобы говорить о них с кем-нибудь другим. Он станет путешественником; поедет в Перу, Египет, Месопотамию; будет раскапывать развалины древних городов в поисках глиняных табличек и надписей на давно забытых языках.

Постепенно он стал замкнутым. Но все студенческие годы он со страстным интересом изучал языки – современные и мертвые, и она не сомневалась, что профессия, которую он выберет, будет как-то связана с его детскими мечтами. Она была потрясена, узнав через несколько недель после смерти отца, что он поступает на дипломатическую службу. Когда она услышала об этом, все было уже решено.

– Лорд Монктон был так любезен, что помог мне. – Больше он ничего не сказал.

Взволнованная, сама не зная почему, она позволила себе спросить:

– Но разве ты сможешь быть счастливым среди этих чопорных людей? Отец говорил, что посольства и королевские дворы – самые...

Он только поглядел на нее, и она, спрятавшись в свою раковину, заговорила о другом.

Семнадцати лет Уолтер кончил школу и, вернувшись домой, увидел, что дела там обстоят плохо. На семью неожиданно обрушились серьезные денежные затруднения. Шум, который подняла рассерженная модистка, не получившая в срок денег, привел к проверке расходов, и было обнаружено такое количество неоплаченных счетов, что Стенли Риверс настоял на немедленном принятии самых решительных мер. Он начал с того, что отказался от услуг секретаря, которого нанял четыре года назад, когда окончательно ослеп.

Мисс Смизерс взялась вести его корреспонденцию и читать ему вслух. Она была исполнена самых лучших намерений, но не имела ни малейшего представления о латыни, да и с английским справлялась еле-еле. Кроме того, его жена постоянно отрывала ее какими-нибудь поручениями, так что даже и такую помощь она могла оказывать ему только время от времени.

Неделю Уолтер угрюмо молчал, а потом заговорил с сестрой:

– Послушай, Би, мы не можем допустить, чтобы так продолжалось и дальше. Когда меня нет, некому читать отцу вслух и писать его письма. Он сидит один весь день напролет без всякого дела и только думает, думает, держа в руках книги. Он... гладит их.

Юноша готов был расплакаться.

– А теперь меня посылают в Оксфорд! Ты знаешь, во что это обойдется? Я не поеду. Уж лучше стать простым деревенским учителем, чем видеть все это.

– Ты с ним говорил?

– Пробовал. Но он отвечает только: «Может быть, позже я смогу нанять секретаря». Он не доживет до этого «позже»!

– Он как-то продиктовал мне письмо, когда мисс Смизерс помогала маме, и сказал, что у меня получилось неплохо.

– Да, он говорил мне об этом. Но большинство ученых, с которыми он переписывается, не знает английского. И почему только девочек не учат латыни! Как по-твоему, ты бы с ней справилась, Би? Она не такая трудная, как говорят.

– Думаю, что справлюсь.

Через два дня она поразила всех домашних, наотрез отказавшись пойти в классную на утренний урок.

– Нет, я вовсе не хочу обидеть мисс Смизерс, мама. Я ей уже все объяснила, и она со мной согласна. Меня будет учить папа; мы вчера обо всем условились. Сегодня утром я начинаю заниматься латынью.

После недолгих, хотя и ядовитых, возражений миссис Риверс согласилась на компромисс. Ежедневно, кроме воскресений, Беатриса должна три часа учиться тому, что полагается знать и уметь благородной девице. Первый час она под надзором конюха будет заниматься верховой ездой, другие два (вскоре сокращенные до одного) проводить с мисс Смизерс, которая, как и прежде, будет обучать ее танцам, хорошим манерам и рукоделию. Остальным своим временем она сможет в дальнейшем распоряжаться по собственному усмотрению.

Приехав на Рождество, Уолтер, как в былые дни, застал отца за работой: он диктовал дочери письма к европейским ученым и переводы од Горация, которые она медленно и запинаясь читала ему по-латыни. Миссис Риверс не только примирилась с этим нововведением, но даже одобряла его. Она была не такой черствой, какой считала ее Беатриса, и искренне жалела слепого, когда ей случалось вспомнить о его несчастном положении. Она даже собиралась найти какой-нибудь приемлемый выход, но у нее все не хватало времени.

Уолтер учился в Оксфорде первый год, когда случайно узнал, что их мать тайно встречается в Лондоне с каким-то мужчиной. Во время мучительного объяснения она сначала пыталась все отрицать, а потом пустила в ход слезы, оправдания и ласки, жалобно умоляя ничего не говорить Беатрисе.

– Боже милосердный, мама, – вскричал он, – неужели вы думаете, что мне будет приятно, если она узнает?

Почти три года эта тайна невыносимо тяготила его. Потом наступил день, когда, стараясь отвлечь внимание своей теперь уже шестнадцатилетней сестры от какого-то подозрительного обстоятельства, он заметил, что она поглядывает на него исподлобья.

– Уолтер, милый, – сказала она мягко, – неужели ты полагаешь, что я до сих пор не знаю мамы?

– Би! – с трудом выговорил он. – Би! Как ты думаешь, папа знает?

– Почему бы и нет? Скорее всего – знает. Но нам он этого никогда не скажет. Даже если бы он узнал, что мы оба про это знаем, он все равно промолчал бы.

Через два года их отец умер, так ничем и не выдав, что знал – если он действительно знал – о постоянных изменах своей жены.

– Уолтер, постарайся заменить меня девочкам, им это понадобится, – было самой большой откровенностью, которую он, чувствуя приближение конца, позволил себе с обожающим его сыном. Но с другой стороны, они были так близки друг другу, что обходились без слов.

Жизнь в Бартоне продолжала катиться на хорошо смазанных колесах. Там поселилась и Элси, которая оставила пансион, когда ей исполнилось девятнадцать лет. Появившись под крылышком леди Мерием в лондонском свете, она после окончания весьма успешного сезона приехала в усадьбу – совсем уже взрослая барышня с безукоризненными манерами. Ее сестра стала теперь прекрасной хозяйкой, заметной фигурой в местном обществе и матерью двух крепких мальчуганов.

Брак и материнство, казалось, пошли Беатрисе на пользу. Теперь ее неуловимое очарование не исчезало при сравнении с броской красотой младшей сестры. Она была по-прежнему стройна и несловоохотлива, но выступавшие ключицы, которые в дни девичества подчеркивали ее худобу, исчезли вместе с прежней, неестественной молчаливостью и скованностью движений. Глаза, раньше такие настороженные, теперь порой бывали чуть сонными, а иногда в них прятался смехок.

Время постепенно стирало следы пережитого потрясения. Она настолько обрела душевное равновесие, что жизнь теперь представлялась ей не преддверием ада, а просто гадкой шут-

кой. Ее мнение о человечестве и его Творце, в общем, не изменилось, но угрюмый цинизм, все еще отравлявший ее мысли, терял свою прежнюю власть над ее нервами. Незаметно она перестала видеть преступные намерения за каждым взглядом или поступком окружающих ее людей. Они были ей неприятны, она их презирала, но больше не видела в них чудовищ.

Это во многом объяснялось тем, что она стала теперь лучше спать. Сны, от которых она просыпалась с придушенным криком, минуты полусонного бреда, когда все лица расплывались в сальной усмешке, а все предметы превращались в фаллические символы, все реже мучили ее. Ее взгляды со времен медового месяца сильно изменились, и она понимала теперь, что Генри, пока им не овладевает по-прежнему ненавистная ей страсть, – добрый и нежный человек, постоянно думающий о том, чтобы ей было хорошо, щедрый с теми, кто от него зависит, и искренне любящий детей.

Ее отношение к сыновьям тоже постепенно менялось. К сожалению, их физическое сходство с отцом отчасти оставалось барьером между ними и ею, но, хотя они и были плодом ее унижения и позора, все-таки они были детьми. Все чаще их беспомощность и наивность, их неумное любопытство, их бессознательная радость бытия неожиданно заставляли ее сердце сжиматься.

Только иногда глубокой ночью она вдруг снова начинала горький спор с ненавистным призрачным двойником, который во время ее первой беременности превращал в грязь и мерзость все, на что падал ее взгляд. Однако даже в самые черные дни она знала, что этот злобный дух – всего лишь создание ее собственного воображения, и он все больше становился прошлым, как стали прошлым гримасничающие лица ее детских кошмаров. Но она была еще не настолько взрослой, чтобы справиться с ним. Если в часы бессонницы она вдруг вспоминала какую-нибудь похвалу ее материнской любви и заботливости, беззвучный насмешливый дьявольский голос начинал сводить ее с ума.

«Ну-ну, так, значит, ты становишься примерной матерью, образцом всех домашних добродетелей, которому должны подражать все молодые жены. Чудесам нет числа. Еще немного, и ты влюбишься в Генри, потому что он – отец твоих драгоценных отпрысков».

«Это ложь! Должна я о них заботиться или нет? Кто произвел их на свет? Я – чтобы спасти собственную шкуру. Я хотела жить – и они хотят. Конечно, я не люблю их. Я не могу. Но и ненависти к ним у меня нет. Ведь они ни в чем не виноваты. Я ненавижу только маму. Даже не Генри. Даже не себя. Что мы могли поделать? Он родился глупым, а я – трусливой. Дети, возможно, унаследуют и то и другое. Конечно, им не следовало бы появляться на свет. Но раз уж они все-таки родились, разве это причина, чтобы о них не заботились или плохо с ними обращались?»

«О, разумеется, нет! Все графство восхищается тобой, а Генри клянется, что ты ангел. Прелестно!»

«Перестань! Оставь мне хоть какое-нибудь подобие уважения к себе!»

«А скажи, пожалуйста, что в тебе достойно уважения? Обручальное кольцо? Да, ты заключила выгодную сделку».

«Но у меня нет времени раздумывать об этом; у меня хватает других дел. Разве я даром ем его хлеб? Я ращу детей; я слежу, чтобы между слугами не было ссор, присматриваю за молочной, веду все хозяйство в доме. Я сберегаю ему больше, чем он на меня расходует. Если бы я была его экономкой, а не женой, ему пришлось бы платить мне жалованье».

Но такие воображаемые разговоры происходили все реже и реже. Теперь она была постоянно занята; и после хлопотливого дня, заполненного бесчисленными реальными заботами, она обычно чуть не валилась с ног от здоровой усталости и сразу засыпала крепким сном. Жизнь – это жизнь; она старалась по мере возможности приспособиться к ней и порой даже находила ее приятной и интересной. Она пришла к заключению, что если заставить себя ни к чему особенно не стремиться, а самое главное – никого и ничего не любить по-настоящему, ни

взрослого, ни ребенка, ни родной дом, то бояться, собственно, нечего. В той мере, в какой это вообще возможно в этом предательском мире, ей больше ничто не грозит. Никого больше она не будет любить – да, да, даже Уолтера! – так, как любила своего бедного отца; а он, к счастью, умер, и то, что может случиться с его детьми, теперь не причинит ему боли.

Время шло, и роль светской дамы и хорошей хозяйки, в которую она входила с таким трудом, а теперь совершенствовалась с такой легкостью, постепенно превращалась в самоцель. Слуги были довольны и старательны, дети здоровы, арендаторы не били своих жен, самолюбие дочери священника не страдало, концы с концами сводились так, что можно было щедро жертвовать на благотворительные цели и одеваться, как этого требовало положение Генри в обществе, не вызывая вместе с тем зависти, – на все это приходилось тратить много забот и умения. Она приобретала сноровку опытного жонглера, который без видимого напряжения подбрасывает и ловит десяток мячей одновременно.

Глава XI

Элси с удовольствием поселилась в Бартоне. Она легко приспособлялась к обстоятельствам.

Она обещала Волтеру часа два в день тратить на занятия, а кроме того, по возможности помогать сестре по дому и в детской, но и то и другое вскоре свелось к простой видимости. Пришлось потратить немало труда, чтобы заставить ее хотя бы поддерживать порядок в собственной комнате. Но она была неизменно весела и добродушна, и слуги редко жаловались на лишнюю работу, которую она им доставляла. Она очень заботилась о своих туалетах и много шила для себя, а также вышивала подарки ко дню рождения или к Рождеству для тех из своих знакомых, которые могли быть ей полезны. Все остальное время она тратила на светские развлечения. Танцы, званые чаепития на свежем воздухе, прогулки верхом, пикники и шарады перемежались с более серьезными занятиями: украшением церкви, упаковкой в замке корзин с провизией для бедных или участием в спевках церковного хора, проходивших в доме священника под руководством молодой леди Монктон.

Элси засыпали приглашениями. Она была жизнерадостна, беззаботна и обладала врожденным умением нравиться. Эти свойства в соединении с красивой внешностью делали ее любимицей и молодежи и стариков.

Из всех обитателей Бартона только миссис Джонс относилась к ней с неизменной враждебностью.

– Очень живая барышня, – ядовито сказала она жене кучера как-то раз, когда Элси с рассыпавшимися по плечам кудрями легко, словно лань, пробежала мимо них.

– Генри! – окликнула она своего зятя. – Генри, подожди меня!

Он обернулся к ней, улыбаясь:

– Ты хочешь обойти со мной усадьбу? А подметки у тебя толстые? В овечьем загоне грязно.

– Ты идешь смотреть овец?

– Да, я буду занят все утро. Если хочешь составить мне компанию – милости просим.

– А нельзя ли поручить это Уилкинсу? Я-то думала, что мы сегодня покатаемся. Утро просто чудесное, а мне так хочется попробовать Фиалку.

Он заколебался, глядя на залитые солнцем луга.

– Правда, чудесное... Уилкинс мало понимает в овцах, но Джорам, пожалуй, справится, если я покажу ему, что нужно делать. Ладно, крошка. Скажи Робертсу, чтобы он оседлал для тебя Фиалку. Я поеду на Принце. А теперь марш надевать амазонку!

– Ох, Генри, спасибо! Ты меня так балуешь! И я очень тебе благодарна.

Она взяла его под руку, потерлась об него, как котенок, и промурлыкала:

– Я так рада, что живу здесь!

– Правда? Ну, и мы очень рады, что ты живешь здесь.

Он с некоторой грустью посмотрел на поднятое к нему сияющее личико. Ему все еще временами бывало больно, что Беатриса никогда не говорит ему таких милых слов, никогда не ласкается к нему.

Не то чтобы он находил хоть какие-нибудь недостатки в своей обожаемой и безупречной жене. Все эти три года она была совершенством. Он ни разу не видел ее рассерженной или в дурном настроении, и она никогда не уклонялась от его ласк. Просто нежность была не в ее характере.

– Чем шляться по усадьбе и отрывать людей от дела, – сказала миссис Джонс, – она бы лучше помогла своей бедной сестре, которая всю ночь не спала, оттого что у малыша зубки режутся.

Она злобно посмотрела на тонкую девичью фигурку.

– Могла бы, кажется, застелить свою кровать – ведь сегодня стирка, да и варенье пора варить, и мало ли чего! Лентяйка она, вот что! Только о себе и думает, вертихвостка.

Миссис Робертс, толстая, добродушная женщина, неодобрительно покачала головой.

– Эх, милая! Разве у нее что плохое на уме? Молода еще, многого не понимает, только и всего. Подрастет – научится, красавица наша.

Миссис Джонс презрительно фыркнула:

– Еще бы! Она научится, дай срок, да вот – чему? И то сказать, она уже многому обучена.

Кроме миссис Джонс, во всей округе равнодушной к чарам Элси осталась только старая графиня. Молодая леди Монктон, которая сначала отнеслась с некоторым недоверием к такой опасной красоте, была теперь, как и ее смиренные друзья из дома священника, в полном восторге от веселой, услужливой и хорошенькой девушки и расхваливала ее всем и каждому. Даже леди Крипс все реже отпускала шпильки по ее адресу. Но старая графиня оставалась при своем мнении столь же упрямо, как и миссис Джонс.

– Вылитая мать, – бросила она как-то раз, когда Элси верхом на Фиалке и в сопровождении Генри с веселым смехом обогнала их карету.

– Не сказал бы, – ответил ее сын. – Насколько мне известно, дела миссис Карстейрс идут плохо. Я слышал от Джонни Гейлора, что, по словам их доктора, в последний раз, когда он ее навещал, у нее был синяк под глазом. Она объяснила, что упала и ушиблась, но, по его словам, вся деревня знает, что Карстейрс бьет ее, когда бывает дома. Само собой, если у него заводятся деньги, он уезжает в Лондон к своим шлюхам. Но она, кажется, по-прежнему обожает эту скотину. *De gustibus...*¹⁰ Однако я как-то не могу себе представить, чтобы мисс Элси покорно позволила кому-нибудь помыкать собой – даже моему любезному воспитаннику.

– Фил опять что-нибудь натворил? Что на этот раз?

– Ничего нового: пьет, развратничает и бьет ночных сторожей. Вот кому не мешало бы наставить фонарей. Впрочем, толку не будет, а то я бы сам его изукрасил. Он порядочный мерзавец. Не такой, как Карстейрс, но все-таки мерзавец. Между прочим, он, надеюсь, не ухаживает за мисс Элси? Он ведь на ней никогда не женится.

Леди Монктон пожала плечами.

– Все мужчины ухаживают за Элси, и она стравливает их друг с другом, как когда-то херувимчик, только она достаточно хитра и умудряется не вызывать ревности других женщин. Теперь ей, кажется, вздумалось вскружить голову своему зятю. Мне наплевать, что Элси водит за нос безмозглых юнцов, но я не допущу, чтобы обижали Беатрису, а не то я сумею приструнить эту барышню.

– Я не думаю, мама, что она поступает так со злым умыслом. Во всяком случае, у нее ничего не выйдет, как бы она ни старалась, – Телфорд никогда не разлюбит жену.

– Попробовал бы он ее разлюбить, – пробормотала старуха.

Несколько недель спустя, обеспокоенная слухами, которые доходили до нее со всех сторон, она послала в Бартон лакея с запиской, приглашая Беатрису на чашку чая. Он вернулся с вежливым отказом: у Дика режется еще один зуб и от этого небольшой жар.

На следующий день вдовствующая графиня сама без предупреждения явилась в Бартон. Миссис Джонс в некоторой растерянности выбежала к ней навстречу.

– Прошу прощения, ваше сиятельство; хозяйка в детской с маленьким. Он весь день капризничает.

Сверху донесся сердитый детский плач.

¹⁰ Начало латинской поговорки: «О вкусах не спорят».

– Да и всю ночь тоже, я полагаю. Ну, раз он так шумит, значит, нет ничего страшного. Нет, не зовите ее сюда, я сама поднимусь к ней. Господь с вами, моя милая, или я, по-вашему, ни разу не видела ребенка, у которого режутся зубки?

Миссис Джонс, продолжая рассыпаться в извинениях, проводила ее в детскую.

– Их сиятельство, сударыня. Прикажете мне взять маленького?

Беатриса ходила по комнате, баюкая Дика. Его вопли постепенно затихали. Она обернулась, не проявив никакого удивления.

– Здравствуйте, леди Монктон, – сказала она негромко. – Подождите минутку, пожалуйста, Дик сейчас заснет. Миссис Джонс поставит для вас кресло поближе к камину.

– Не обращайтесь на меня внимания, – ответила гостья. – Я просто заехала к вам поболтать. Чуть подальше от огня, будьте добры. И передайте мне одну из этих книг.

Она начала читать, но вскоре отложила книгу и сидела, поглядывая на молодую женщину. Беатриса по-прежнему ходила взад и вперед, укачивая малыша. Когда он замолк, она уложила его в колыбель и провела гостью в соседнюю комнату. У двери она остановилась и прислушалась. В детской было тихо.

– Он уснул, – сказала леди Монктон. – А теперь садитесь и поговорим. Последнее время вас совсем не видно. Вы вечно заняты.

Беатриса села. У нее был очень усталый вид.

– Но ведь вы знаете, сколько хлопот с маленькими детьми – от них нельзя отойти, даже когда они здоровы.

– Ну, этот – настоящий здоровяк. Да и Гарри тоже. Доктор Джеймс только сегодня говорил мне, что ему еще не приходилось видеть такую заботливую мать и таких красивых мальчуганов. Кстати, позавчера я видела Гарри.

– Правда? Где же?

– На дороге к Эбботс-Марш, в тележке, запряженной пони. С ним сидел еще один мальчик, а позади бежало полдюжины собак. Правила какая-то толстуха.

– Миссис Робертс, жена нашего кучера. Она очень хорошая мать, и дети у нее всегда чистенькие, поэтому я позволяю Гарри играть с ними. Он и маленький Бенни – большие друзья.

– Надеюсь, она не заезжала с ними в Эбботс-Вуд?

– Нет, заезжала. У нее там были какие-то дела. А что? Она сказала мне, что дочка булочника больна. Надеюсь, ничего заразного?

– К сожалению, корь. Когда я сегодня встретила доктора Джеймса, он как раз возвращался оттуда. В деревне заболело уже трое. Но не надо так пугаться. Возможно, что Гарри вообще не заразился. А если и заразился – радуйтесь, что это не оспа. Крепкому ребенку корь не страшна. У меня семеро ею хворали, и ни один не умер. А чем дети моложе, тем легче они ее переносят.

Леди Монктон распустила ленты своего чепца и выпрямилась в кресле.

– Ну, вы, вероятно, догадываетесь, что я приехала к вам не для того, чтобы обсуждать детские болезни. Вы знаете, что об Элси начинают ходить сплетни?

Беатриса взяла со стола распашонку, разгладила ее, аккуратно сложила и положила обратно.

– Нет.

Она повернула голову и посмотрела на вдовствующую графиню. Ее спокойный взгляд мог смутить кого угодно.

– Но меня это не удивляет, – холодно добавила она. – Если девушка так красива, как Элси, всегда найдутся люди, готовые говорить о ней гадости, как бы безупречно она себя ни вела. Стоит ли обращать на это внимание, как вы думаете?

Леди Монктон, не уклонившись, приняла удар.

– Хорошо сказано. Поздравляю, моя дорогая. Я сама не сумела бы сделать это лучше.

Она усмехнулась.

– Я считала, что из всех моих знакомых только ваш отец умел, глядя человеку прямо в лицо, поставить его на место и при этом не обидеть. – Она стала серьезной. – Но тем не менее я хочу воспользоваться привилегией старухи, которая любит вас и когда-то любила вашего отца, и поговорить с вами прямо. Вы разрешаете – в первый и последний раз? Будьте покойны, вторично я себе этого не позволю.

Прошло несколько секунд, прежде чем Беатриса ответила:

– Если вы действительно хотите поговорить со мной, леди Монктон, я выслушаю вас со всем уважением. Но не могу обещать, что отвечу вам.

– Этого и не требуется. Ну так вот: я хотела сказать вам, что ваша сестра – опасный человек. Может быть, она и дочь вашего отца, хотя порой я сильно сомневаюсь в этом, но не обольщайтесь – она на него не похожа.

Беатриса застыла в той странной неподвижности, которая так сильно пугала Генри, пока, привыкнув, он не перестал ее замечать. Казалось, какой-то занавес скрыл ее внутренний мир и она присутствует в комнате только физически. Рука на коленях была безжизненна, как рука статуи.

– Полагаю, – сказала Беатриса после некоторого молчания, – вы хотите предупредить меня, что Элси кокетничает с Генри. Да, это так. Но в этом нет ничего страшного. Она просто оттачивает свои коготки, как всякий котенок.

– Да. Но потом из котенка вырастает кошка, а кошки царапаются.

Беатриса задумчиво подперла подбородок ладонью и устремила взгляд на огонь. Она вспоминала Свифта – омерзительное описание влюбленной самки йеху, прячущейся в кустах.

– Видите ли, Элси пока некуда уехать. Уолтер не может взять ее к себе. Я не думаю, что она сознательно пытается увлечь моего мужа. Он ей не нужен. Просто у нее есть потребность строить глазки какому-нибудь мужчине. Так уж она создана. И пусть лучше Генри, чем кто-нибудь чужой, – по крайней мере он не причинит ей вреда. Он не соблазнитель юных девушек.

Леди Монктон подняла мохнатые брови.

– Я готова этому поверить. Генри – человек с твердыми принципами. Но не приходило ли вам в голову, что она может причинить вред ему?

– Она? Какой?

Старуха растерялась. Неужели эта девочка совсем бессердечна? Нет, не бессердечна, а просто слепа.

«Господи, вот дура-то! – подумала она. – Нет дурака глупее умного дурака».

Несколько секунд она вглядывалась в непроницаемое лицо, затем сухо сказала:

– Вы необыкновенная женщина, но все-таки в жизни есть вещи, о которых вы пока и не подозреваете. Ну, я сказала все, ради чего приехала. Вы играете с огнем, хотите вы того или нет. Однако я отнюдь не думаю, что вы непременно обожжетесь, и, конечно, не мне вторично навязывать вам свою помощь. Быть может, я поступила опрометчиво, когда моя сестра...

Ответа не последовало. Графиня поднялась.

– Да, вот еще что. Если вам дороги ваше душевное спокойствие и счастье, помните, что на верность нельзя полагаться. Мы все знаем, что Генри боготворит вас, но мужчины – это мужчины, а женщины – женщины, и в один прекрасный день вы в этом убедитесь.

Беатриса тоже встала, и старуха подумала, что на такую гордость и безутешное отчаяние имел бы право только низверженный Люцифер.

– Я не сторож сестре моей, – медленно сказала она. – И моему мужу – тоже. Не я дала им жизнь. – Она положила руку на распашонку. – Но моим детям жизнь дала я. И меня касается только их счастье и душевное спокойствие.

– Ну, бог с вами, – сказала леди Монктон. Она попрощалась с Беатрисой и пошла к двери; затем, повернув голову, небрежно прибавила:

– Если вам и вашим мальчикам понадобится приют, вы всегда найдете его в замке. И без всяких расспросов.

Губы Беатрисы неожиданно дрогнули. Если бы ей предложили это три с половиной года назад!..

– Благодарю вас, – глухо сказала она, – вы очень добры.

Глава XII

Гарри не только сам заразился корью, но заразил и Дика. Впервые в жизни мальчики серьезно заболели. Беатриса, втайне ужасаясь собственному неумению, решила ухаживать за ними сама. Как обычно, она боролась со своим страхом, пряча его под маской уверенности, которая обманывала других, но не ее.

Эпидемия была сильной, и многие из соседних бедных и грязных деревушек очень пострадали от нее. Особенно свирепствовала корь в Литтл-Эбботс-Вуд, нищем селении, настоящем рассаднике всяческой заразы, которое находилось на земле сэра Джералда Крипса, богатого соседа Генри. Сэр Джералд считал, что незачем баловать бедняков. Деревню Бартон и прилегающие к ней фермы болезнь щадила – там был только один смертный случай; это блестяще доказывало, как много значит забота хозяина о своих арендаторах.

Ни Генри, ни Элси прежде корью не болели. Им было запрещено входить в детскую, и волей-неволей пришлось провести целый месяц в обществе друг друга.

Беатрисе в детстве тоже удалось избежать этой болезни, и когда ее сыновья начали поправляться, она слегла с тяжелой формой кори. Миссис Джонс, которая видала на своем веку не одну эпидемию, и молодая горничная, уже болевшая корью, преданно ухаживали за ней, и в конце концов все трое больных совершенно поправились.

Во время кризиса Беатриса, мысли которой путались от жара, хотя она и не бредила, лежала одна в темной комнате и, напрягая затуманенный болью мозг, пыталась разрешить вставшую перед ней дилемму. Куда она сможет уехать с детьми, если ее положение в Бартоне станет невыносимым? Что бы ей ни грозило, трех вещей она не сделает: не вернется в Кейтерем, не будет брать денег от Генри, если покинет его дом, и не отдаст детей.

Она найдет способ самой содержать их. Но что они будут делать до тех пор? Пользоваться благодеяниями леди Монктон или сидеть на шее Уолтера?

Конечно, Монктонам или Мериемам с их связями будет нетрудно подыскать для нее какую-нибудь постоянную службу – секретаря или писца, если кто-нибудь захочет воспользоваться услугами женщины. А если из этого ничего не выйдет, она может делать многое другое: управлять молочной, вести расходные книги, избавить какую-нибудь богатую бездельницу от забот по дому, быть гувернанткой. Ужасная жизнь... но три с лишним года ее замужества были еще ужасней. Только бы сохранить детей и не быть вынужденной принимать милостыню – ради этого она готова на самую скучную и тяжелую работу.

Глупо сердиться на Элси: она – это она. Какова мать, такова и дочь. Впрочем, не совсем: Элси бывала неосторожна, но она слишком хитра, чтобы сделать непоправимую глупость, как ее мать; она всегда сумеет вовремя остановиться. Она просто играет с Генри, чтобы удовлетворить свое тщеславие, а может быть, чтобы раззадорить Филиппа Денверса и заставить его жениться на ней. Он волочится за ней, и, пожалуй, она хочет пришпорить его ревностью. Конечно, он только сын младшего сына и у него мало надежды вступить во владение огромным состоянием Монктонов – лорд Монктон уже стал отцом. Но со временем он должен унаследовать вполне приличное поместье и титул, а для Элси в ее положении любой отпрыск столь знатной семьи – завидная партия.

Правда, она молода, неопытна и может по неосторожности попасть в беду, потому что мужчины – это мужчины, а женщины – женщины, как мудро заметила леди Монктон. Но если человеку хочется играть с огнем, он сам будет виноват, когда обожжется. А Генри волен выбирать, что ему больше нравится. Если ему нужна Элси и он может добиться ее – очень хорошо, пусть. Но и Элси и мальчиков он не получит.

По мере того как жар проходил, Беатриса начинала сознавать, что у нее, собственно, нет никаких оснований думать, будто ему действительно нужна Элси. До сих пор заигрывала с ним

она, а он, не будучи особенно сообразительным, мог этого и не заметить. Рано или поздно ему придется понять, что к чему; но он был воспитан в строгих правилах и, вероятнее всего, не поддастся соблазну, а ужаснется.

Генри в роли добродетельного Джозефа Эндрюса показался ей забавным. Но она одернула себя с гримасой отвращения. Теперь, хотя она изредка все еще позволяла себе подобные развлечения, у нее после них оставался скверный вкус во рту. Это смеялся ее двойник, которого она начинала стыдиться.

Когда доктор Джеймс объявил, что всякая опасность миновала, Беатриса сошла вниз, все еще чувствуя слабость в ногах. У дверей в экипаже дожидался Генри, который собирался повезти ее кататься. Даже насмешливый цинизм, всегда заставлявший ее относиться к мужу иронически, на этот раз не смог помешать ей увидеть тот искренний восторг, с которым Генри бросился к ней. Он то и дело обнимал ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.